

Софи Грассо

ЗОЛОТОЕ ДНО

18+

Софи Грассо

Золотое дно.

<https://litres.ru/74122219>

SelfPub; 2026

Аннотация

Золото не пахнет.

Ему было двадцать четыре, у него не было ничего, кроме лома в руках и золотой жилы под ногами. И он сделал выбор, который определил всю его жизнь.

Тридцать лет спустя Глеб Верховский — хозяин золотодобывающей империи, человек, чьё имя заставляет дрожать министров и конкурентов. У него есть всё: власть, деньги, яхты, дома, любовницы. Но у его империи есть цена, которую платят не только враги.

Пока Глеб перекраивает мир под себя, за его спиной зреет заговор. Старый враг, движимый мстостью, срок которой не истёк, наносит удар. Любовница оказывается на распутье между верностью и предательством. Зять хранит тайну, способную разрушить всё. А дети Глеба — каждый по-своему — пытаются вырваться из клетки, которую он для них построил.

«Золотое дно» — это история о мире, где деньги решают всё, но даже они не могут купить счастье. О любви, которая переживает смерть. И о том, что у каждого есть своё дно — вопрос лишь в том, кто поднимется.

Содержание

Глава	4
Пролог. Красная река	5
Глава 1. Ось.	9
Глава 2. Марго.	20
Глава 3. ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ.	27
Глава 4. Золотые дети.	43
Глава 5. Оля.	63
Глава 6. ВЫЗОВ	71
ГЛАВА 7. Удавка.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Золотое дно.

Глава

Пролог. Красная река

Магаданская область, прииск «Удачный», сентябрь 1992 года.

Воды в штольне было по колено. Ледяной, чёрной воды, которая пахла ржавчиной и смертью — будто сама земля источала гниль, просачиваясь сквозь трещины породы. Капли с потолка падали с мерным стуком: кап-кап-кап, словно отсчитывали последние секунды.

Глеб Верховский выключил налобный фонарь. Темнота стала абсолютной — такой плотной, что на языке оставался привкус графита, сухой и царапающий. Он не боялся темноты. Он боялся того, что видел при свете: расплывающееся пятно, искажённые черты, безмолвный упрёк застывших глаз.

— Ты меня слышишь, Коля? — голос Глеба ударился о стены, раскрошился на эхо и пропал, затерялся где-то в глубине штольни, будто его и не было.

Коля лежал в трёх метрах. Лицом в воду. Сзади, на затылке, темнело пятно — не вода, более густое и страшное. Кровь растекалась по луже тёмными змеями, извивалась, смешивалась с грунтовыми водами, делая их похожими на разбавленное вино.

«Красная река», — подумал Глеб и улыбнулся в темноте. Улыбка вышла кривой, дёрганой — как судорога. Он сам не

понял, зачем это сделал. Смех застрял в горле, сухой и беззвучный.

Он не планировал этого. Честно. Они вдвоём нашли жилу — невероятную, богатую, с содержанием золота под сто граммов на тонну. Четыре дня молчали, как партизаны, промывали породу вручную, спали по два часа в сутки. Руки ныли от усталости, пальцы покрылись мозолями и трещинами, но азарт гнал вперёд — азарт и запах денег, который уже чудился в воздухе.

На пятый день Коля сказал:

— Надо рассказать артели.

Глеб тогда промолчал. Внутри что-то оборвалось, будто перерезали тонкую нить, державшую его в реальности. Он смотрел на Колю — на его веснушчатое лицо, на взъерошенные волосы, на руки, перепачканные глиной, — и вдруг понял: если рассказать, всё кончится. Делёжка, споры, драки, а потом — пустота. А если не рассказать

Ночью, когда Коля спал в палатке, Глеб взял лом. Металл в руке казался тяжёлым, чужим, но в то же время — правильным. Он пошёл в шахту. Ждал до утра, пока первые лучи рассвета не пробрались сквозь щели в деревянных креплениях. Потом разбудил Колю:

— Спускайся, я нашёл расширение.

В штольне Глеб ударил первым. Лом вошёл в затылок как в масло — слишком легко и бесшумно. Коля даже не вскрикнул — просто сложился, будто у него вынули позвоночник.

Тело рухнуло в воду с глухим всплеском, и на мгновение Глебу показалось, что это не Коля, а манекен, кукла, что всё это — дурной сон.

Теперь Глеб стоял по колено в ледяной воде и смотрел на тело. Ему было двадцать четыре года. Два года назад он закончил техникум. Четыре года назад похоронил мать, которая спилась до состояния овоща и умерла в собственной рвоте. Он помнил её глаза — мутные, пустые, — и как сам закапывал гроб, кидая землю на крышку, будто хоронил не мать, а часть себя.

Он поднял лом. Приставил остриё к виску покойного — для верности. Нажал. Кость хрустнула тихо, как сухой сук под ногой. Звук резанул по нервам, заставил вздрогнуть. Глеб сглотнул, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— Ты был хорошим другом, — сказал Глеб вслух. Голос звучал хрипло, будто чужой. — Но золото не пахнет. И дружба тоже.

Он выключил фонарь. Пошёл на свет, к выходу. Вода хлопала под резиновыми сапогами, и ему казалось, что это Коля идёт следом, дышит в затылок, шепчет: «Зачем, Глеб?» Он ускорил шаг, потом почти побежал, спотыкаясь о камни, хватаясь за стены. Дыхание сбилось, в груди колело, но он не останавливался.

Он вынырнул на поверхность. Сентябрьское небо над Магаданом было низким, свинцовым, будто кто-то накрыл землю крышкой гроба. Воздух пах хвоей и металлом, а ветер,

пронизывающий, ледяной, хлестал по лицу, будто пытаюсь отрезвить.

Глеб сел на валун, достал пачку «Примы», дрожащими пальцами вытащил сигарету. Спички сыпались из коробка, пока он наконец не поймал одну. Пламя вспыхнуло, осветило его лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами. Он закурил. Руки не дрожали — это удивило его самого. Только глаза слезились от пронизывающего ветра, или, может, от чего-то ещё.

Он знал: эту жилу он назовёт «Удача». И она станет первой из пятнадцати рудников. Он построит империю, купит дома, яхты, будет летать бизнес-классом и смотреть на мир свысока. Но сегодня ночью он впервые понял: настоящая удача — это когда никто никогда не узнает, кто ты на самом деле.

И пообещал себе: больше никогда... никогда не убивать своими руками.

Это обещание он нарушит через семь лет. И ещё через десять. И ещё. А первое убийство будет помнить всегда — холод воды на коже, вкус дыма и звук кости, ломающейся под ломом. Воспоминания будут всплывать в самые неожиданные моменты: в гуле аэропорта, в смехе женщины, в запахе дождя. И каждый раз он будет сжимать кулаки, пытаясь заглушить этот звук — тихий хруст, словно кто-то ломает ветку в лесу.

Глава 1. Ось.

Московская область, особняк Верховских «Сосны», 20:00, суббота

Ровно в восемь вечера Глеб Евгеньевич Верховский переступил порог столовой. Его шаги — размеренные, тяжёлые — эхом отдавались в тишине, будто отсчитывая такты невидимого метронома. Он делал так всегда: ни минутой раньше, ни минутой позже. Это был не просто ритуал, а молчаливое напоминание: он — центр этой вселенной, ось, вокруг которой вращались все остальные. Семья ждала безропотно, покорно, затаив дыхание.

Столовая дышала роскошью, но в этом великолепии было что-то неживое, музейное. Стол накрыли на семь персон. Хрусталь от «Baccarat» тонко звенел при каждом движении прислуги, а серебро слепило холодным блеском. Свет люстр отражался в полированных поверхностях, создавая блики, которые метались по стенам, словно испуганные птицы.

— Добрый вечер, — произнёс Глеб равнодушным тоном, не глядя ни на кого конкретно.

Он сел во главе стола и посмотрел на пустующее место справа — там, где обычно сидел его старший сын.

— Наташа, ты прекрасно выглядишь, — бросил Глеб, даже не повернув головы.

Наталья Сергеевна Верховская натянуто улыбнулась, выказывая уважение. Ей было пятьдесят четыре, но выглядела она на сорок пять: работа хирурга, диетолога и ежедневная йога держали её в тонусе. Только печальные глаза выдавали её истинный возраст — в них читалась безысходность, которую не стереть никакими процедурами.

— Спасибо, Глеб — ответила она сухо, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо.

— Сегодня особенный день, — бросил Глеб невозмутимым тоном, приступая к ужину. Он взял бокал, подчёркивая значимость момента. — Тридцать лет назад мы расписались в ЗАГСе Иркутска. - он отсалютовал бокалом, но не отпил — только поднёс к носу и вдохнул аромат. Ему нравилось чувство предвкушения. Он считал, что тот, кто ждёт, управляет временем.

Наташа замерла. В памяти всплыли образы: белое платье, сшитое из портьерной ткани, тогда денег на свадебный салон не было. Глеб — в единственном костюме, купленном у фарцовщика. Сейчас на нём был «Бриони», цена которого равнялась стоимости новой «Тойоты». Единственное что осталось прежним, его взгляд — жёсткий, сканирующий, оценивающий каждого, кто попадал в его поле зрения.

Он слабо улыбнулась и посмотрела на мужа, который спокойно нарезал мясо и ни на кого не обращал внимание.

Она перевела взгляд на дочь Александру, демонстративно уткнувшуюся в айфон. Её пальцы нервно скользили по экрану, а губы были сжаты в тонкую линию.

Рядом с ней, сидел её муж, лорд Джеймс Монтгомери-Хейл, с преувеличенным усердием, он поправлял запонки с родовым гербом и делал вид, что искренне интересуется разговором.

Наталья Сергеевна повернулась к сыну Дмитрию, который сидел в конце стола и ковырялся вилкой в салате. На нём была вызывающая кислотно розовая рубашка от Gucci, которая подчёркивала стильную бунтарскую причёску.

Глеб это заметил, но сделал вид, что ему безразлично, как выглядит его сын. Дима вёл себя так, будто за столом он один и ему плевать на чьё то мнение.

Его младшая сестра Екатерина прилетела из Парижа только утром. Она была любимицей отца — единственная, кто мог сказать ему «нет» и остаться в живых. Сейчас она улыбалась Глебу открыто, по-детски, на мгновение смягчая отцовский жёсткий нрав.

— Пап, а Марго будет? — спросила Катя, и её голос прозвучал слишком звонко и беззаботно.

Тишина упала на стол, как топор. Наталья Сергеевна замерла, ложка остановилась на полпути ко рту. Александра подняла голову от айфона, её брови чуть приподнялись, а Дмитрий с волнением взглянул на мать.

Глеб медленно повернулся к младшей дочери. Его движе-

ния были плавными, почти гипнотическими, как у хищника перед броском.

— Катя, — произнёс он спокойно, но в голосе зазвучали стальные нотки, — Маргарита Ельская — моя сотрудница. Она не член семьи. И за этим столом ей не место. Ты поняла?

Катя кивнула, но все заметили, как на мгновение в глазах отца вспыхнуло то, что не гасло секунды три. Зверь проснулся и снова уснул.

— Кстати о сотрудниках, — подала голос Александра, и в её тоне проскользнула едва уловимая тревога. Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и посмотрела на отца в упор. — Пап, ты смотрел новости? У тебя вчера обыск прошёл.

— У моей управляющей компании, — поправил Глеб сухим тоном. Он резко поднял голову, окинув её колючим, предупреждающим взглядом. — Разница есть.

— Разница в том, что нашли? — произнесла Александра, пытаясь разгадать, о чём думает её нестигаемый отец. Её голос дрогнул, но она тут же взяла себя в руки.

— Ничего не нашли, — отрезал он, сказав это так уверенно, что даже лорд Джеймс поверил.

Наташа знала мужа тридцать лет и сразу заметила, как дёрнулся его кадык и правая рука легла на левую — машинальный жест, который означал: «Я держу себя в руках, но внутри я сейчас кого-то убью».

— А где Сергей? — поспешно спросила Катя, пытаясь

сменить тему. Она нервно поправила прядь волос, бросила взгляд на мать, ища поддержки.

— Задерживается, — отрезал Глеб недовольным тоном. Он нервно постучал пальцами по столу, отсчитывая секунды.

- В такой день? - лягнула Катя наигранно закатив глаза, но не ощутив поддержки подхватила тарталетку и откусила - умм, как же я соскучилась по дому.

Входная дверь хлопнула, и на пороге появился Сергей. На нём был тёмно-синий классический костюм и белая рубашка без галстука. Волосы слегка взъерошены, в глазах мелькнуло волнение и эту деталь Глеб сразу заметил и насторожился.

— Простите за опоздание, — Сергей пожал руку отцу, потом наклонился и поцеловал в щёку мать. — Попал в небольшую аварию. Выезжал со стоянки и тут в машину врезалась одна девушка. Пришлось оформлять происшествие.

Он сел на своё место — справа от отца — и окинул приветливым взглядом присутствующих.

— С тобой всё в порядке? — спросила мама с искренней тревогой. Она потянулась к его руке, но Сергей едва заметно отстранился.

— Да, мам. У неё бампер разбит, у меня — царапина. Никто не пострадал, — ответил он непринуждённым тоном, ожидая, когда ему нальют вино.

— Девушка, — Глеб произнёс это слово медленно, пробуя на вкус, как коньяк. Он наклонился вперёд, прищуриваясь.

— Внезапно в тебя врезалась на стоянке?

— Я был в «Прайде» на тренировке, — произнёс Сергей, жуя овощной салат. Он говорил с отцом на равных, всегда, не боясь смотреть в его непроницаемые глаза.

— В «Прайде», — повторил Глеб и посмотрел на сына в упор. Его пальцы сжали вилку. — Серёжа, тебе не кажется это странным?

Сергей молча выдержал взгляд. Три секунды. Пять. Его лицо оставалось невозмутимым.

— Пап, не преувеличивай, — хмыкнул он, беспечно отмахиваясь. — Девушка просто не смотрела по сторонам, так бывает.

— Иногда девушки — это самый опасный вид оружия, — Глеб понизил голос, придавливая тяжёлым взглядом. — Они мило улыбаются, преданно смотрят тебе в глаза, а потом ты просыпаешься без бизнеса, без денег и без яиц. Ты услышал меня?!

— Я запомню, — кивнул учтиво Сергей и взял бокал.

Они чокнулись — отец и сын. Звон хрусталия прозвучал словно колокола и все за столом выдохнули, буря миновала.

Наташа подняла бокал, с улыбкой посмотрев на собравшуюся за столом семью: двух сыновей и дочерей, зятя...

— За нас, Глеб. За прожитые вместе тридцать лет. За нашу дружную, крепкую семью, которую мы создали с тобой.

— За нас, — кивнул Глеб и отпил глоток. — Наташа, тридцать лет назад у меня не было ничего, — произнёс он

жёстким тоном — У меня была только ты...

Он щёлкнул пальцами — коротко, властно. Прислуга, застывшая у стены, мгновенно ожила: один официант вынес бархатную коробку, другой — букет бордовых роз, будто только что срезанных в зимнем саду.

Глеб открыл коробку. Колье от Graff. Три ряда бриллиантов, играющих холодным огнём. Три миллиона долларов, воплощённые в камне и металле.

— За терпение. За верность. — сказал он, поднимая украшение. Бриллианты переливались, отбрасывая на стены острые блики — словно осколки чьих-то невысказанных слов.

Он встал и навис над женой и на секунду замер, будто решаясь на что-то, чуть помедлил и застегнул замок на её шею. Металл лёг на кожу — холодный, тяжёлый. Она не шелохнулась. Её спина оставалась прямой, но в глазах на мгновение мелькнула — не радость, не благодарность, а скорее горькое понимание обречённости.

— Спасибо, Глеб. Очень красиво, — произнесла она сухим тоном, не прикасаясь к камням.

Бриллианты сверкали, но на её лице не было ни тени восхищения. Они казались не украшением, а клеймом — свидетельством всех этих лет, прожитых по его правилам.

Александра захлопала в ладоши громко и поспешно, пытаясь заполнить возникшую довлеющую паузу. Её пальцы дрогнули, когда она поймала неодобрительный взгляд отца. Дмитрий смотрел с сочувствием на мать, а Катя восхищённо

ахнула, прижав ладони к груди.

— Тебе очень идёт, мамочка, — произнесла Александра, растягивая улыбку. В её голосе прозвучала фальшь, которую, казалось, слышал каждый за столом.

— Ты у нас такая красавица, — поддержала сестру Катя, её глаза блестели неподдельным восторгом. — Папа очень внимательный и щедрый, и любит тебя.

— Этого у него не отнять, — подтвердила Наталья Сергеевна, взглянув на мужа. Колье на её шее поблескивало, напоминая роскошный, блестящий ошейник.

- Предлагаю поднять бокалы за родителей - Сергей встал, взглянув на брата и сестёр - тридцать лет назад они создали союз, благодаря которому появились мы... - он сделал многозначительную паузу - возлагая надежды на продолжение истории рода Верховских. - он перевёл взгляд на отца - за вас, живите долго и счастливо, терпения вам, любви и процветания!

- Поддерживаю, братик - Саша отсалютовала бокалом - за родителей!

Звон бокалов раздался в столовой словно перелив хрустальных колокольчиков.

- Спасибо, сынок, за тёплые слова - Наташа отпила вино и поставила бокал на стол. - я так рада, что мы смогли создать такую дружную, большую семью и вы все нашли время приехать...

- Мам, не начинай, такая круглая дата и папа здесь - под-

черкнула Александра грациозно отпивая вино.

- Тридцать лет это большой срок - подтвердил Джеймс нарезая стейк - даже по европейским меркам.

- Тогда за терпение! - Наталья Сергеевна подняла бокал и звон хрустала разнёсся по комнате.

Со стороны могло показаться, что за столом ужинает вполне счастливая семья, празднуя годовщину свадьбы. Но настороженные взгляды и тонкие намёки, выдавали скрытую напряжённость витающую в атмосфере.

Глеб молча доел стейк, отодвинул бокал и окинул семью невозмутимым взглядом и сухо произнёс:

— Мне пора, — Глеб встал и застегнул пиджак. Он сделал это резко, с хлопком, будто подчёркивая окончательность решения.

— Ты уходишь? — спросила Наташа встревоженным тоном, замерев в кресле.

— Дела, — коротко бросил Глеб, поправляя воротник. Он не смотрел на жену, его взгляд был устремлён куда-то вдаль, за пределы комнаты.

— К Марго? — в голосе Натальи Сергеевны прозвучала не вопрос, а горькая уверенность. Она выпрямилась и вздёрнула подбородок, будто готовилась к такому удару.

Он не ответил. Просто развернулся и вышел из столовой. Его шаги снова эхом отдавались в тишине, но теперь они звучали иначе — резче, решительнее, будто отрезая что-то между ними.

Она растерянно взглянула на детей и поднялась с кресла, испытывая горечь и обиду.

Седан отъехал от крыльца. Фары прорезали темноту, на мгновение высветив заснеженные деревья, а затем огни растаяли в аллеиной тьме, оставив после себя лишь гул мотора, затихающий вдали.

Она стояла у панорамного окна, глядя вслед машине. Снег падал на мрамор и сразу таял, оставляя тёмные пятна — как следы чего-то, что не может задержаться надолго. Её пальцы невольно коснулись кольца, скользнули по бриллиантам — холодным и чужим.

— Мам, — раздался позади обеспокоенный голос. Дима подошёл сзади и осторожно обнял её за плечи. Его руки дрожали, но он старался говорить уверенно. — Не расстраивайся, он всегда был таким чёрствым.

— Когда-то он был другим и умел любить, — сказала Наташа, не отрывая взгляда от пустой дороги. Её голос звучал тихо, почти шёпотом, будто она говорила сама с собой. — Он держал мою руку так, будто я была единственным якорем в бушующем море.

Она ещё секунду смотрела туда, где только что исчезли огни машины, словно надеясь, что Глеб вернётся, передумает, скажет что-то искреннее и обнадеживающее — то, чего не было вот уже двадцать лет.

- Мам, мы тебя любим - произнёс Сергей встав рядом - и всегда поддержим... ты ... просто знай об этом.

- Спасибо мои родные. - Наталья Сергеевна прижалась к старшему сыну, ощущая за спиной младшего и ей стало легче... на мгновение.

В доме стало тихо. Дети разошлись по комнатам, оставляя Наталью Сергеевну одну со своей болью — тяжёлой, давящей, привычной, как ноющая рана, которая никогда не заживает до конца. Ей ничего не оставалось, как только терпеть его бесконечные измены, к которым она уже привыкла за много лет.

Фаворитки появлялись и исчезали, сменяя друг друга, как декорации в театре: яркие, эффектные, молодые. Все, кроме одной. Марго. Она появилась в жизни Глеба десять лет назад — пришла на должность личного помощника, красивая, с безупречной улыбкой и взглядом хищницы, готовая набросится в любую секунду. Очень быстро она оказалась не только в его офисе, но и в постели.

Наташа опустила голову, и одна слеза скатилась по щеке, оставив влажную дорожку. Она быстро смахнула её, выпрямилась и расправила плечи.

Снег всё шёл, укрывая землю белым покрывалом — чистым, свежим, способным спрятать следы прошлого. Но она знала: под этим покровом всё останется на своих местах. И раны, и обиды, и память о том, что когда то было любовью.

Глава 2. Марго.

23:45. Москва, пентхаус Марго

Глеб лежал на спине, глядя в потолок. Тени и блики от неоновой вывески за окном скользили по потолку, складываясь в причудливые узоры — он пытался найти в них какой-то смысл или логику, но они оставались лишь случайными очертаниями, как и многое в его жизни. В груди что-то сжималось — неприятное, тянущее чувство, которого он не мог понять.

— Что с настроением? — спросила Марго, приподнимаясь на локте. Её волосы рассыпались по плечам чёрным, шёлковым водопадом, в глазах мелькнула насторожённость, замаскированная под заботу. Она слегка нахмурила брови, изучающе вглядываясь в его бесстрастное лицо.

— Просто устал, — ответил Глеб, не поворачивая головы. Его голос прозвучал глухо, будто издалека. Он продолжал разглядывать блики, словно они могли дать ему ответ на вопрос, который он сам себе боялся задать.

— Ты всегда устаёшь после встречи с ней, тебе не надоело?— Марго легла рядом, положила голову ему на грудь, прислушиваясь к биению сердца. Её пальцы медленно выводили круги на его груди.

— Она тебя не любит, — тихо произнесла Марго, поднимая глаза. В них не было жалости — только прагматизм. Её губы чуть дрогнули, будто она взвешивала каждое слово.

— Знаю, — Глеб усмехнулся уголком рта. Он наконец повернул голову и посмотрел на Марго. В его взгляде читалась смесь иронии и утомления. — Но я привычкам не изменяю, а она... одна из них.

— А я люблю и ты мог уже давно всё изменить, — Марго наклонилась к нему, её лицо оказалось совсем близко. В полумраке комнаты глаза казались бездонными, отражая слабый свет из окна. Она провела кончиками пальцев по его скуле, едва касаясь кожи.

— Ты любишь не меня, а мои деньги, — отрезал Глеб равнодушно. Его голос звучал жёстко, но в глубине души он знал, что ждёт её ответа — какого-то слова, которое могло бы заставить его поверить.

— Нет, — она покачала головой, и прядь волос скользну-

ла по его щеке. — Я люблю тебя... твою власть. Твою жестокость. То, как ты можешь сломать любого, кто встанет на пути. Твою силу и решительность... тебя, таким какой ты есть.

Глеб помолчал, разглядывая её. В её словах не было лжи — она действительно восторгалась им, но это было сродни восхищению хищником: опасным, притягательным, но лишённым тепла. Он почувствовал, как внутри что-то сжалось — не от её слов, а от осознания их правдивости. Она видела его таким -монстром!

— Это не любовь, Марго, — он притянул её к себе, но в этом жесте не было нежности — только демонстрация силы и превосходства. Его пальцы крепко сжали её плечо, почти до боли. — Это страх.

Марго не ответила. Её губы дрогнули в улыбке — слишком ровной и идеальной. Она медленно провела рукой по его шее, чуть задержавшись у пульса, будто проверяя, есть ли у него сердце.

— Завтра едем в Казахстан, — продолжил Глеб, отпуская её. — Ты всё подготовила?

— Я помню, Глеб, — ответила Маргарита, снова поглаживая его по груди. Движения её стали чуть медленнее, осто-

рожнее, будто она пыталась успокоить его. — Контракты и предварительное соглашение — всё как ты и просил. - Она чуть приподнялась, её глаза внимательно следили за его реакцией.

— Не сомневаюсь, — Глеб хмыкнул и резким движением выключил светильник. Комната погрузилась в темноту, лишь слабый отблеск неоновой вывески с улицы пробивался сквозь шторы, рисуя на стене призрачные полосы. — Давай спать. Я устал.

Он откинулся на подушки и закрыл глаза. Но сон не шёл. Перед внутренним взором снова возникло лицо Натальи — её взгляд, когда он застёгивал колье. В нём было что-то новое, что-то, чего раньше не было: не покорность, не смирение, а какое-то тихое противостояние. И это тревожило его больше, чем любые деловые проблемы.

Марго повернулась на бок и прижалась к его спине, её губы чуть дрогнули в едва заметной улыбке от мысли : «Ещё немного, и всё будет по-моему. Он уже почти готов уйти от неё».

Воспоминания нахлынули неожиданно, как волна, — тёплые и горькие одновременно, как её любимый кофе с карамелью, который она пила по утрам.

Десять лет назад. Москва, офис «Золотого стандарта», приёмная.

Марго сидела в кожаном кресле, сжимая в руках резюме, пальцы её подрагивали — от волнения и предвкушения. Она была в белой блузке, с идеальной укладкой и макияжем, который наносила два часа, чтобы выглядеть безупречно. Ей было двадцать пять, год назад она окончила экономический факультет МГУ и пять лет мечтала работать в большом холдинге и вот она здесь, в офисе «золотого короля».

— Вас приглашают, — секретарша, сухая женщина с острыми скулами и недовольным взглядом, кивнула на дверь кабинета. — Глеб Евгеньевич ждёт.

Марго встала, одёрнула юбку и вошла в просторный кабинет с панорамными окнами. Мрачный мужчина, словно исполин, сидел в высоком кожаном кресле и смотрел на неё ленивым, оценивающим взглядом, от которого у неё перехватило дыхание.

— Садись, — сказал он, голос его звучал властно, с той хрипотцой, которая заставляла подчиняться.

Она села напротив, положила руки на колени, стараясь не выдать дрожи.

— Я прочитал твоё резюме, — сказал он, крутя в пальцах шариковую ручку, — и мне интересно, почему ты, с таким образованием, решила идти в личные помощники?

— Я хочу учиться у лучших, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — А вы занимаете первую строчку в рейтинге.

Глеб усмехнулся и откинулся на спинку кресла, прищурился глазами.

— Ещё есть аргументы? — спросил он пронизывая её тяжёлым взглядом.

- Я исполнительная, умею расставлять приоритеты и точно не подведу вас, Глеб Евгеньевич - Марго произнесла эту фразу уверенно и бойко.

- Смело - сказал он без злобы. — Мне это нравится. Я возьму тебя с испытательным сроком, завтра можешь приступить к работе.

Марго почувствовала, как внутри разливается тепло — такое горячее, что ей показалось, она сейчас растает.

- Могу идти - уточнила она затаив дыхание.

- Свободна - рявкнул Глеб и перевёл взгляд на монитор, показывая что разговор завершён.

Глава 3. ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ.

Бизнес-джет «Gulfstream G650», 10:30 утра, понедельник

Самолёт набрал высоту, и Москва под крылом превратилась в игрушечную карту с крошечными домами и ниточками дорог. Глеб Верховский, сидел в кожаном кресле, растегнув верхнюю пуговицу рубашки, и смотрел в иллюминатор. Его густые тёмно-русые волосы, с сединой на висках, были зачёсаны назад, прямой нос и широкие брови выделялись на фоне бледного лица, тронутого усталостью. Пальцы непроизвольно постукивали по подлокотнику — ритм, который знал только он.

Марго расположилась напротив, с ноутбуком на столе. Пальцы быстро бегали по клавиатуре, глаза не отрывались от экрана. Она работала сосредоточенно, без суеты, с абсолютной концентрацией.

— Три завода в Усть-Каменогорске ждут нас завтра, первая встреча в десять. - отчиталась она, не поднимая головы.

— Три? — Глеб усмехнулся, глядя в иллюминатор - по-

смотрим на инфраструктуру и мощность, справятся ли они с нашими объёмами?

- Завод «Восток-Металл» перерабатывает 10 триллионов руды в год - прокомментировала Марго, щёлкая пальцами по клавиатуре.

— Впечатляющие объёмы, не думал что достигну такого уровня, когда мы начинали. - хмыкнул Глеб не поворачиваясь.

— Когда вы начинали, — поправила Марго с лёгкой улыбкой, наконец оторвав взгляд от экрана. — Вы мыли золото в тазу.

Он не ответил. Облака внизу напоминали снежные поля — чистые, нетронутые. Такими же казались магаданские сопки в 92-м, когда он впервые спустился в шахту с ломом и верой в себя. В тот момент он был нищим, но инициативным. Теперь он богат и осторожен, и та жизнь, кажется далёкой, почти призрачной.

Магадан, 1993–1994 годы

После смерти Коли, он не спал три ночи. Он лежал в ва-

гончике, смотрел в ржавый потолок и ждал — стука в дверь, голосов, наручников. Ничего не произошло. Артель списала пропажу на обвал в старой штольне. Тело нашли через месяц — разложившееся, страшное, неузнаваемое.

Глеб пришёл на опознание. Он стоял перед останками друга, и слёзы текли по его щекам — искренние, горькие, солёные. Никто не видел в них фальши. Это были слёзы человека, который потерял часть себя.

— Ты как, Глеб? — спросил бригадир, хлопая его по плечу. Прикосновение было тяжёлым, почти давящим.

— Держись, — ответил Верховский, вытирая глаза. — Коля был он был мне как брат.

В тот вечер он продал найденное золото — почти два килограмма, припрятанных в тайнике в лесу. Получил двенадцать тысяч долларов и на его удачу вышел закон о том, что любой гражданин страны может заниматься добычей драгоценных металлов.

Через месяц он нашёл партнёра.

Геннадий «Гена» Смолин был старше на десять лет, с медвежьей фигурой и хитрыми глазами. Сидел в 80-м за спеку-

ляцию, вышел с чётким пониманием: в этой стране деньги не зарабатывают — их берут.

— Ты пацан, но башковитый, — сказал Гена, глядя на Глеба через стол в прокуренной чайной. Дым висел в воздухе, как туман, скрывая истинные намерения. — Давай так: я даю бабло и связи, ты — мозги и руки. Всё поровну.

— Поровну? — Глеб усмехнулся. — Я приношу жилу. Ты — продаёшь. Это не поровну, Гена.

— А что? - удивился тот с ухмылкой, потирая ладони.

— Семьдесят на тридцать. Мне семьдесят. - заявил Глеб твёрдым голосом.

Гена засмеялся — густо, с хрипом, по-медвежьи. Потом посмотрел в глаза Глебу и замолчал. В его взгляде мелькнуло уважение.

— Сорок на шестьдесят. Иначе разбегаемся. - поставил он условие

— Сорок пять на пятьдесят пять, — Глеб не отвёл взгляда. — И я решаю, кому продаём.

Гена протянул лапищу.

Это была первая сделка, где Глеб взял больше, чем рассчитывал.

Рудник «Весёлый» они открыли в 94-м. Старатели мыли породу вручную, спали в палатках, болели цингой, но золото текло рекой — по сто граммов на тонну, жирная, маслянистая порода, которая пахла деньгами.

Глеб работал по восемнадцать часов. Сам спускался в шахты, сам считал граммы, сам воровал у партнёра — понемногу, незаметно, уводя в сторону лучшие самородки.

— Ты жулик, — сказал ему Гена однажды, заметив недостачу. Его голос звучал не злобно, а скорее удивлённо.

— Я бизнесмен, — ответил Глеб не моргнув глазом. — Жулики воруют. Бизнесмены оптимизируют.

Гена тогда рассмеялся. А через месяц умер.

Официально — сердечный приступ. Неофициально — пакет с транквилизаторами в виски, который Глеб заказал у знакомого фельдшера. Гена пил много, сердце было плохое, никто не удивился.

— Бедный Геннадий, — вздыхали в артели. — Царствие небесное.

— Мужчина в самом расцвете, — поддакивал Глеб, глядя в гроб с самым скорбным лицом. В этот момент он понял, что научился носить маски так же легко, как одежду.

Вдове Гены он отдал десять тысяч долларов — «пособие». И забрал рудник себе полностью. Первый актив. Чистый, без доли партнёра.

Ему было двадцать шесть и в тот год у него родился первенец.

— Глеб Евгеньевич, — Марго прервала затянувшееся молчание. — Через пол часа посадка.

— Я знаю, — ответил он, не оборачиваясь, выплывая из воспоминаний.

Усть-Каменногорск, аффинажный завод «Восток-Металл», 12:00 вторник.

Белый «Lexus» с тонированными стёклами остановился у проходной. Глеб вышел — без охранников, поправил пальто

и оглядел территорию.

Бетонные корпуса советской застройки. Вышки. Трубы, дымящие паром в морозном воздухе. Ржавчина на воротах, трещины в асфальте, запах химии и металла, всё как и везде.

Директор завода Ташенов был типичным казахом - пухлым, лысым, в очках с золотой оправой, в сером пальто и мешковатом костюме. Он выбежал навстречу, едва не поскользнувшись на ступеньках.

— Глеб Евгеньевич! — затараторил он, протягивая руку.
— Светило золотопромышленности! Какая честь для нашего скромного предприятия

Глеб не пожал руку. Прошёл мимо. Ташенов растерянно опустил ладонь, догнал и неуклюже засеменил рядом.

— Прошу за мной, Глеб Евгеньевич. Сейчас я вам всё покажу, всё расскажу, наше производство — одно из лучших в СНГ

Глеб шёл молча. Марго — чуть сзади, с каменным лицом и планшетом в руках, стуча каблуками.

Цех аффинажа встретил их кислотным воздухом и гулом вентиляции. Огромные чаны с мутными растворами, трубы,

реле, рабочие в резиновых фартуках и противогазах. Золото здесь очищали до 999-й пробы — из чёрной, пыльной породы делали жёлтые слитки, которые потом уплывали в швейцарские банки.

Глеб остановился у открытого чана. Заглянул внутрь. На дне осаждался порошок — ещё не золото, но уже не руда. Он смотрел на этот порошок минуту, может, две и молчал.

Директор замер сбоку, переминался с ноги на ногу и нервно теребил край рукава. Пот выступил на лбу, несмотря на морозный воздух, просачивающийся сквозь щели. Он ждал хоть какой-то реакции, но её не было, а ему был нужен этот контракт, чтобы предприятие работало в полную мощь.

— Пойдёмте дальше, — сказал Ташенов, сглатывая. Его голос дрогнул и проскользнула нотка неуверенности.

Они обошли плавильную печь, лабораторию, склад готовой продукции. У выхода из цеха Глеб наконец остановился и повернулся к директору.

— Мощности? - спросил он жёстким тоном, пронизывая взглядом.

— Десять триллионов в год, Глеб Евгеньевич, — заикаясь,

ответил тот. — Но если вы инвестируете в модернизацию

— Я не инвестирую, — перебил Глеб резким тоном — Я покупаю мощность. Ваш завод будет перерабатывать мою руду по давальческой схеме. На выходе — слитки. Тридцать процентов остаётся у вас по себестоимости. Остальное — моё.

Директор открыл рот и закрыл. Хотел возразить — но встретил предупреждающий, суровый взгляд Глеба. В этих глазах не было гнева, не было угрозы — только абсолютная уверенность человека, который не торгуется. Он берёт.

— Я я согласен, Глеб Евгеньевич, — выдохнул директор, вытирая пот со лба.

— Завтра в десять утра подпишем договор, — сказал Глеб и пошёл к машине. Его шаги звучали ровно, уверенно, как метроном.

Следуя за ним словно тень, Марго остановилась возле машины и тихо сказала:

— Глеб Евгеньевич, тридцать процентов — это слишком жирно для них. Мы можем сбить до двадцати.

— Можем, — согласился Глеб, садясь в автомобиль. — Но не будем.

— Почему? - удивилась она недоумевая.

— Потому что, Маргарита, — он посмотрел на неё, и в этом взгляде было что-то, от чего у неё по спине пробежал холодок, — если человек получает больше, чем ожидал, он становится ручным и невнимательным. Вопрос закрыт.

Она кивнула, расстёгивая кашемировое пальто, но на самом деле пыталась понять мотивы такого спонтанного решения.

Усть-Каменогорск, гостиница «Ульба», люкс, 21:00

Глеб сидел у окна в белом, махровом халате, смотрел на вечерний город. Заснеженные улицы, редкие огни, люди, спешащие по домам. Их фигуры казались крошечными, незначительными — как и многие кто появлялся, а потом исчезал из его жизни.

Марго ушла в свой номер час назад готовить договор или

делать вид, ему было всё равно. Она хорошо выполняла свою работу и этого было достаточно.

Он не доверял ей. Никому не доверял.

Магадан, 1996 год

Второй партнёр, Алексей Бородин, оказался умнее Гены. Он не просто хотел долю — он хотел стать главой предприятия.

— Ты или платишь мне отступные, или я уйду к конкурентам, — сказал он в кабинете Глеба. — Со всеми твоими схемами, адресами, клиентами.

— Подумаю, — ответил Глеб. Его пальцы непроизвольно сжались в кулак. Он знал, что выбора нет.

Он думал три дня. А на четвёртый позвонил Тимофею «Тимону» Соловьёву. Бывший десантник, три ходки, спокойный и безжалостный, он познакомился с ним на руднике, два года назад и взял к себе охранником.

— У нас проблема, — сказал Глеб глухим тоном.

— Понял, — ответил Тимофей. В его голосе не было ни удивления, ни вопросов, ни сомнения.

Убийство оформили как ограбление в аэропорту. Бородин зашёл в туалет и не вышел. Пропали часы и сумка, — обычное криминальное преступление. Следователь продержался три месяца и закрыл дело.

Глеб сделал тогда вывод: третье убийство проще первого. Совесть молчит. Только холод в груди — постоянный и привычный.

Сейчас Тимофей возглавлял его службу безопасности и был верным псом своего хозяина.

**Усть-Каменогорск, гостиница
«Ульба», люкс, 21:30**

Глеб открыл глаза. Воспоминания ушли. Остался только вечерний город за окном, снег на подоконнике и тишина, в которой он слышал свои мысли.

Он взял с тумбочки телефон и набрал номер.

— Серёжа, — сказал он, когда сын поднял трубку.

— Привет, пап, как Казахстан? - спросил он заинтересованным тоном.

— Завтра мы подписываем договор на 10 триллионов тонн в год. - произнёс он встав с кресла - мы увеличиваем производство.

— Отличный объём. - ответил сын воодушевлённым тоном.

— Я звоню спросить: ты готов взять производство и сделку под свой контроль? - спросил Глеб деловитым тоном и открыл бутылку воды.

Пауза. Глеб почти видел, как сын сжимает телефон.

— Она чем то отличается от других? - переспросил Сергей заметно напрягаясь

— Грязью! — произнёс Глеб хрипловатым голосом и отпил воду. — Настоящей. Не той, что в отчётности, а той, что на руках остаётся.

— Пап, что за вопрос, конечно готов! — голос Сергея про-

звучал резко и уверенно.

Глеб усмехнулся — коротко, без радости.

— Это ты сейчас так думаешь, — сказал он, сделав ещё глоток. — Поживём — увидим.

Он сделал паузу, глядя в окно. Снежинки прилипали к стеклу и тут же таяли, оставляя тонкие дорожки воды — как следы слёз.

— Помнишь, как в детстве я учил тебя ловить рыбу на Колыме? — неожиданно спросил Глеб и провёл ладонью по волосам.

— Конечно, — после короткого замешательства ответил Сергей. — Ты говорил, что рыба, которая идёт против течения, становится сильнее. Но большинство плывёт по течению — так проще.

— Верно, — Глеб кивнул, хотя сын этого не видел. — Тогда ты спросил: а если течение несёт в пропасть? Я не ответил.

В трубке повисла тишина. Глеб почти слышал, как сын переваривает эти слова, пытается понять, куда ведёт этот раз-

говор.

— Так вот, — продолжил Глеб жёстче, возвращаясь к сути. — Сейчас мы стоим у края пропасти. И есть два варианта: упасть или перепрыгнуть. Для прыжка нужна сила. И немного грязи на руках — чтобы не скользить.

— Ты так оправдываешь возникшие проблемы, — тихо произнёс Сергей настороженным тоном

— Не оправдываю, — поправил Глеб. — Объясняю. Мир не чёрно-белый, Серёжа. В нём нет чистых рук — и на вершине только те, кто умеют их отмывать.

— И ты научил меня этому — в голосе сына прорвалась ирония. — главное — не попасться?!

Глеб сжал телефон и хотел сказать что-то резкое, но вместо этого выдохнул и произнёс:

— Я научил тебя выживать. Остальное ты должен понять сам. Завтра я подписываю договор и часть бизнеса мы перевезём сюда.

- Ты считаешь, что бизнес в опасности? - Сергей несмело произнёс свой главный вопрос.

Глеб закрыл глаза. В груди что-то дрогнуло — то ли гордость, то ли разочарование.

— В нашей стране, только дурак может надеяться на чудо — сказал он и сбросил звонок. Не попрощавшись. Так было привычнее.

Глава 4. Золотые дети.

Московская область, особняк Верховских «Сосны», 11:30, вторник

Солнце, бесцеремонно заглянуло в комнату через незашторенное окно, Катя с трудом приоткрыла один глаз — и тут же пожалела об этом, голова отозвалась острой болью от невыносимого похмелья.

— Чёрт, — выдохнула она, морщась, и на ощупь потянулась к тумбочке, нашаривая телефон, где высвечивались пропущенные сообщения от подруг. Открыв их, Катя невольно скривилась, увидев себя в клубе танцующую на барной стойке.

— Кошмар — простонала она, медленно садясь на кровати.

Она машинально провела рукой по растрёпанным волосам рассматривая фотографии. Воспоминания наплывали обрывками: клуб «Icon», оглушительная музыка, танцы до пяти утра, она пьёт из горла шампанское, снимает лонгслив и размахивает им кидая в толпу, потом — завтрак в «Кофе-

мании» с каким-то парнем Стасом? Вовой? Она поморщилась, пытаясь вспомнить его лицо, но в голове была дымовая завеса.

— Какая разница, — буркнула она, встав и сладко потянулась, разминая затёкшие мышцы. Шагнула к ванной и тут же наступила на что-то твёрдое — новая сумочка Louis Vuitton, лимитированная серия, привезённая из Парижа. Катя окинула её равнодушным взглядом и небрежно пнула в сторону.

— Умм, у меня и так голова болит — бросила она, направляясь в душ.

Она пристально взгляделась в своё отражение в зеркале, потом медленно, почти насмешливо, произнесла:

— Хорошо оторвалась, красотка, — губы дрогнули в кривой улыбке. — результат на лицо. Хорошо папа не видит, он бы тебя обязательно похвалил!

Душ немного помог прийти в себя — прохладные струи смыли липкий пот, а шум воды на время заглушил гул в голове.

Она спустилась вниз — в чёрных лосинах, белой футболке, с мокрыми волосами, собранными в небрежный пучок. Заказала омлет с трюфелем и апельсиновый сок, рассеянно

листая истории подруг.

Телефон зазвонил высвечивая имя Алиса. Катя на мгновение заколебалась, но всё же ответила.

— Ты жива? — в трубке раздался знакомый насмешливый голос подруги.

— Почти, — буркнула Катя, потирая висок — мигрень всё ещё давила, словно тиски. - Голова ужасно болит.

- Не удивительно - хмыкнула Алиса - смешивать коктейли и шампанское так себе идея...

- Умм, не напоминай - произнесла Катя прикрывая глаза.

— Тот парень, Вова, он риза, — мечтательно протянула Алиса и шумно вздохнула, будто представляла его прямо сейчас. — Чисты свэг, у вас что то было?

— Я его не помню, — простонала Катя с горечью в голосе.

— Что? — голос Алисы взлетел на октаву выше. — Ты что, даже телефон его не взяла? Ну ты, подруга, даёшь! А вчера так с ним зажигала — я думала, вы уже планы на вечер строите!

Катя отпила сок и поморщилась — слишком кисло — и молча покачала головой, хотя Алиса этого и не видела. Она не хотела думать. Никогда не хотела. Это было её главное умение — не думать, не анализировать, не копаться в себе.

— Сегодня что делаешь? — спросила Алиса, чуть понизив голос, но любопытство всё равно сквозило в каждом слове.

— Ничего. Валяюсь, — ответила Катя и зевнула.

— А завтра? У тебя же экзамены через две недели. Ты летишь в Париж?

— Зачем? — Катя искренне удивилась, приподняв бровь.
— В Сорбонне скука смертная.

— Твой отец не будет ругаться? — в голосе Алисы прозвучала настороженность.

— Папа занят, — Катя равнодушно пожала плечами, — Ему плевать.

- Короче, надумаешь потусить, звони - Алиса усмехнулась
- чао!

Катя доела омлет, который ей показался безвкусным, полистала ленту соцсетей и пошла смотреть фильм.

Москва, бизнес-центр «Золотой стандарт», 14:00

В своём кабинете на сорок втором этаже Дмитрий Верховский сидел и смотрел в монитор на цифры, которые его раздражали. Они плясали перед глазами — столбцы квартальной отчётности, графики роста прибыли, сводки по регионам. Каждая цифра будто насмехалась над ним, напоминая, что он застрял здесь, в позолоченной клетке, вместо того чтобы быть там — среди колб, реактивов и формул.

Он нахмурился и резко отодвинул клавиатуру. Монитор моргнул, будто удивился его вспышке. Дима откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и вдохнул — глубоко и судорожно. В памяти всплыли запахи лаборатории: лёгкий аромат ацетона, терпкий запах реагентов, едва уловимый шлейф озона после работы с оборудованием.

Он окончил химфак МГУ с красным дипломом. Писал курсовую по каталитическому окислению углеводородов. Мечтал о лаборатории, колбах, реактивах — о мире, где

всё понятно и интересно, где каждый эксперимент даёт ответ, а каждая ошибка — новый путь к открытию.

Вместо этого он работал в холдинге отца на должности «менеджер по развитию» и получал зарплату — двести тысяч долларов в месяц. Пользы от него было — ноль. Он чувствовал себя манекеном в дорогом костюме.

— Дмитрий Глебович, вы подписали контракты? — спросила секретарь, заглянув в кабинет. Она замерла на пороге, держа папку с документами, её брови чуть приподнялись в ожидании.

— Подписал, — не оборачиваясь, ответил он. Его голос прозвучал глухо, почти безразлично.

На самом деле нет. Он забыл. Или не захотел. Какая разница? Дима провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть раздражение.

На столе, под стопкой бумаг, лежал его старый лабораторный журнал. Синяя обложка, потёртые углы, записи карандашом — формулы, расчёты, мечты. Дима открыл его на середине:

«Эксперимент 47. Попытка синтеза наночастиц золота

с заданной морфологией. Осаждение на кремниевой подложке. Результат: положительный, но низкая воспроизводимость. Нужно модифицировать температурный режим»

Он читал свои же записи, и в груди что-то защемило. Там, в лаборатории, он был нужен. Там его знания работали, приносили пользу. Здесь он был бесполезным винтиком в огромной машине отцовского бизнеса.

Телефон завибрировал, высвечивая сообщение от отца: «Контракты проверил?»

Дима стиснул зубы, быстро набрал короткий ответ: «Да» — и снова соврал, так же легко, как дышал. Ложь стала частью его жизни, как и этот кабинет, и эта должность.

Он закрыл лабораторный журнал, убрал в ящик и вернулся к монитору. Открыл соцсети. Пальцы машинально прокручивали ленту, пока взгляд не зацепился за знакомое лицо.

На фото была Оля — с ней он так нелепо расстался полгода назад, после того, как отец заставил его работать в холдинге. Она стояла в белом халате лаборанта, улыбалась, держа в руках колбу с голубоватой жидкостью. На заднем плане виднелись стеллажи с реактивами, мониторы с графиками

— настоящая научная среда. Рядом подпись: «Первый день в научном центре. Мечта сбылась!»

Сердце Димы сжалось. Он долго смотрел на фото, чувствуя, как внутри что-то переворачивается. Воспоминания нахлынули волной: вот Оля смеётся над его шуткой, вот объясняет принцип работы хроматографа, вот хмурит брови, разбирая сложную формулу

Не выдержав, он набрал сообщение:

— Привет. Рад, что тебя взяли в научный центр.

Отправил и замер, уставившись на равнодушный экран. Прошло несколько томительных секунд — и телефон неожиданно завибрировал.

— Как ты, Дим? Я скучаю.

Дима на минуту завис, перечитывая сообщение. Буквы расплывались перед глазами, а в голове крутились мысли: «Она скучает? По мне? После всего?»

В памяти всплыл момент, как они познакомились на первом курсе — столкнулись в коридоре, рассыпав конспекты. Оля тогда улыбнулась и сказала: «Ну вот, теперь нам точно придётся познакомиться». Он боялся предложить ей встре-

чаться ещё два года, прячась под маской друга, но в один миг всё изменилось.

Они попали под ливень — внезапный, мощный, который застал их врасплох. Промокли до нитки, смеялись, бежали в общежитие. Там сушились у обогревателя, пили горячий чай с мятой, а за окном барабанил дождь. И в тот вечер он наконец решился и в первый раз поцеловал.

Пальцы Димы задрожали над клавиатурой. Он глубоко вдохнул и напечатал:

— Давай сегодня вечером увидимся на нашем месте. В восемь.

Секунды тянулись, как часы. Наконец экран засветился:

— Я приду

Дима откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В груди разливалась странная смесь чувств: радость, страх, надежда. Он сжал кулаки, чувствуя, как в нём просыпается что-то забытое — желание жить по-настоящему, а не по указке отца.

«Может, ещё не всё потеряно?» — подумал он, глядя в окно на хмурое февральское небо.

Москва, спортивный клуб «Прайд», 18:30

Сергей вышел на ринг в чёрных шортах и белой майке. Напротив, в синих перчатках, стоял Алексей Державин: лучший друг, спарринг-партнёр, единственный человек, который мог ударить Сергея в лицо и не бояться последствий.

— Сегодня слабаком будешь ты, — усмехнулся Лёша, прыгая на носках. Его лицо покраснелось от напряжения, глаза блестели азартно, а уголки рта чуть приподнялись в привычной дразнящей улыбке.

— Мечтай, — ответил Сергей и поднял перчатки. Он слегка согнул колени, расставил ноги шире, взгляд сосредоточенно скользнул по фигуре друга, выискивая малейшую слабость.

Первый раунд прошёл ровно. Они знали друг друга слишком хорошо — каждую привычку, движение и слабые места. Лёша работал корпусом, Сергей — джебами. Никто не хотел проигрывать.

Во втором раунде что-то щёлкнуло в голове Сергея и он пошёл в атаку — резко, яростно, неожиданно. Лёша не ожи-

дал такой резкости. Пропустил левый хук, потом правый прямой и снова левый. Шаг назад, в канаты, защита — но Сергей пробил и сквозь неё.

Удар пришёлся в бровь, мощный и хлёсткий.

Лёша пошатнулся, лицо исказилось от боли, глаза на мгновение закатились. Он осел, потом рухнул на ринг, как мешок с песком.

— Стоп! — крикнул тренер, бросаясь к ним. — Сергей, стоп!

Сергей опустил перчатки, тяжело дыша. Грудь вздымалась, пот струился по вискам и груди. Он посмотрел на друга, который лежал на ринге, прижимая руку к лицу.

— Ты как дружище, — спросил Сергей подходя ближе. — Извини, увлёкся.

Лёша приподнялся, сплюнул кровь на канат. Его губы дрогнули, но он сдержал стон.

— Ты идиот, Верховский, — произнёс он хрипло - как я завтра на совещании буду выглядеть?

— Как босс! — усмехнулся Сергей стягивая перчатки.

Он протянул руку, помог другу встать. Тот пошёл к скамейке, взял пакет со льдом, приложил к рассечённой брови. Его пальцы слегка подрагивали.

— Хорошо, что нос не сломал, — сказал Лёша, морщась от боли. — отец будет в восторге, завтра как раз партнёры из Китая прилетают, а тут я...

— Китайцы? — Сергей приподнял бровь, - вы подписали с ними контракт?

— Мы на стадии заключения, — Лёша усмехнулся придерживая рукой лёд.

Сергей повернулся и на мгновенье замер, увидев девушку, которая врезалась в него в субботу.

Она стояла у входа в зал. Каштановые длинные волосы, карие глаза, курносый нос, пухлые губы. Высокая, стройная, в чёрных облегающих брюках и голубой водолазке.

Она медленно прошла в глубь зала и остановилась напротив него.

— Не думал, что вы интересуетесь боксом, — сказал Сергей рассматривая её с любопытством. Он слегка склонил голову набок, прищурился, будто пытался разгадать, что скрывается за этой улыбкой.

— Профессия обязывает, — ответил Карина, серьёзным тоном, глядя, как друг Сергея прикладывает лёд к лицу.

— И чем же вы занимаетесь? — поинтересовался Сергей, скрестив руки на груди. В его голосе слышна была лёгкая насмешка.

— Я журналист, — пояснила Карина, и в её взгляде мелькнула искорка. — Пишу о спорте. А вы?

— Да так, — Сергей усмехнулся вытирая пот полотенцем. — Кручусь. Туда-сюда. — И о ком же вы пишете? — спросил он, не скрывая иронии.

— Меня наняли, чтобы я сделала материал о спортивном клубе, — ответила Карина, выдерживая его взгляд. — Менеджер сказал, что здесь занимаются серьёзные спортсмены.

— Серьёзные, — повторил Сергей. Он слегка наклонил голову, изучая её лицо. — Это вы про меня?

— Вы себе льстите, — она лукаво улыбнулась — Меня

интересуют больше профессионалы и возможности клуба.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. В зале было шумно, раздавались удары по снарядам, голоса тренеров, тяжёлое дыхание спортсменов и ритмичная музыка.

— Ну, удачи вам, Карина, — сказал он и пошёл в раздевалку, но затылком чувствовал её обжигающий заинтересованный взгляд и это его раздражало.

«Интересно, — подумал он кинув полотенце в бочок, — за кем она на самом деле охотится? За спортивным клубом? Или за мной?»

Москва, спа-салон «L'Occitane», 19:30

В небольшой комнате тихо играла музыка для релаксации, наполняя пространство мягкими звуками флейты и шелестом волн. Александра Верховская лежала на массажном столе, её лицо было покрыто слоем белой глины, словно маска лицедея.

Она была замужем за лордом Джеймсом — милым, правильным, невыносимо педантичным. Они поженились два года назад по расчёту: ей нужен был титул и гражданство,

ему — деньги её семьи. Идеальный брак. Без любви, без страсти, без скандалов.

Она жила в Лондоне, занималась бизнесом связанным с драгоценными металлами и каждый месяц прилетала в Москву. На неё были записаны три фирмы отца — она подписывала документы, не читая, получала зарплату — пятьсот тысяч долларов в месяц — и жила дальше. Личный водитель, повар, стилист, коуч по личностному росту. Всё это крутилось вокруг неё, как шестерёнки безупречно отлаженного механизма, которым управлял её отец.

После процедур её уже ждал стилист. Платье от Valentino облегло фигуру, туфли от Manolo Blahnik придавали изящество походки, сумка от Hermès подчёркивала статус. Макияж — естественный, с едва заметным румянцем и блеском на губах завершали образ светской пантеры.

Через час она сидела в ресторане «Twins garden» вместе с подругами и дегустировала блюдо от шеф-повара.

— А мой Марк опять забыл про годовщину, — смеясь, рассказывала Анджела, поправляя бриллиантовую серьгу. — Представляешь, прислал цветы на следующий день!

— Зато он тебе купил Бентли, — парировала Ольга, де-

лая глоток шампанского. — В Дубае, кстати, такие скидки на Louis Vuitton

Александра слушала, кивала, грациозно отпила шампанское и непринуждённо поддерживала разговор:

— О, а я в Париже была на последнем показе Dior — девочки, какая коллекция, просто вау! — произнесла она с улыбкой, чуть приподняв брови, и сделала ещё глоток, чувствуя, как пузырьки щекочут горло.

— О, Dior — это классика, — подхватила Анджела, взмахнув рукой так, что браслет на запястье сверкнул россыпью камней. — Но мне больше понравилась новая коллекция Bottega Veneta? Там такие силуэты — просто дух захватывает! Я уже заказала себе пальто, жду доставку.

— Да ладно?! — Ольга подалась вперёд, её глаза загорелись неподдельным интересом. — И сколько вышло? Готова поспорить, что не меньше пятидесяти тысяч. Хотя, знаешь, ради такого я бы тоже раскошелилась. Кстати, Саша, а ты что взяла с показа? Наверняка что-то сногсшибательное!

— О, всего лишь пару вещей, — Александра слегка наклонила голову, изображая скромность, хотя в глазах мелькнула гордость. — Платье на вечер и жакет — они идеально

сочетаются с моими туфлями от Manolo. Правда, пришлось подождать три месяца — индивидуальный пошив, сама понимаешь. Но оно того стоило! — она улыбнулась, поправив локон, и снова поднесла бокал к губам, скрывая за глотком шампанского тень усталости от бесконечной игры в «идеальную жизнь».

Она была дочерью своего богатого, влиятельного отца и это у неё получалось превосходно, демонстрировать всем окружающим непоколебимый статус «золотой семьи».

Особняк «Сосны», вечер того же дня.

Глеб вошёл в дом и небрежно бросил пальто дворецкому — тот едва успел подхватить вещь, привычно склонив голову.

— Где дети? — коротко, почти отрывисто спросил Глеб, проводя рукой по волосам.

— Екатерина в кинозале, Дмитрий звонил, сказал, что останется в городе, — отчитался дворецкий, аккуратно вешая пальто на вешалку и стараясь не встречаться взглядом с хозяином.

Глеб кивнул, поджав губы, и направился к кинозалу. Дверь была приоткрыта — тонкая полоска света пробивалась в коридор. Он остановился на пороге, на мгновение задержавшись, словно собираясь с силами перед тем, как войти.

Катя лежала на диване, уютно укутавшись в мягкий плед. Взгляд её был прикован к экрану, пальцы лениво перебирали складки ткани. На столике рядом стоял бокал шампанского — наполовину пустой, с каплями конденсата на стекле.

— Привет, папа, — не отрываясь от экрана, бросила она, голос прозвучал ровно, без особого тепла.

Глеб вошёл, сел в кресло напротив, откинулся на спинку и скрестил руки на груди. Несколько секунд он просто наблюдал за дочерью, отмечая её отстранённость, и наконец произнёс:

— Как учёба? — прищурил глаза, внимательно следя за реакцией.

— Нормально, — буркнула Катя, по-прежнему не отрывая взгляда от экрана.

— В Париж когда летишь? — уточнил он, стараясь гово-

рить спокойно, но в голосе всё равно проскользнула нотка напряжения.

— Не знаю. Может через неделю, — пожала плечами Катя, всё так же безучастно.

Глеб помолчал. Он хотел сказать что-то важное — о будущем, о планах, о том, что ему не всё равно. Но слова застряли в горле, будто тяжёлые камни. Вместо этого он выдавил:

— Деньги нужны?

Катя наконец повернулась к нему — медленно, словно преодолевая внутреннее сопротивление. Её взгляд скользнул по лицу отца, задержался на напряжённой линии губ.

— Пока нет, — сказала она чуть мягче. — Ты обо мне хорошо заботишься, папочка, — в её голосе прозвучала странная смесь благодарности и горечи.

Они посмотрели друг на друга. В этом взгляде было всё: и любовь, и отчуждение, и молчаливое понимание того, что они говорят на разных языках. Глеб заметил, как в глубине её глаз мелькнула тень — то ли обиды, то ли разочарования. А Катя увидела в отцовском тоску — ту самую, которую он так старательно прятал за маской уверенности.

— Ладно, — Глеб резко встал, будто пытаясь стряхнуть с себя это тягостное ощущение. — Отдыхай.

Он направился к двери, уже взялся за ручку, но вдруг остановился. Повернулся, открыл рот, словно готовясь что-то сказать Но передумал. Плечи чуть опустились, и он молча вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Глава 5. Оля.

Москва, Воробьевы горы, смотровая площадка, 19.50

Дима встретился с Олей на Воробьёвых горах — там, где Москва лежала перед ними как на ладони: бесконечные кварталы, сверкающие реки дорог, островки парков и шпили высоток, тонущие в лёгкой дымке. Он стоял у парапета с букетом белых и голубых эустом, нервно прикусывал нижнюю губу и не знал, с чего начать разговор. В груди всё сжималось от смеси тревоги и радости — он боялся, что она придёт с отстранённым взглядом, с отчуждённой улыбкой, будто они чужие.

— Димка! — услышал он крик со стороны и резко обернулся. - Димочка!

Оля бежала к нему, её светлые волосы развевались на ветру, пальто распахнулось, обнажая яркий шарф в полоску. На лице — улыбка, широкая, искренняя, та самая, от которой у него когда-то перехватывало дыхание. И всё вдруг встало

на свои места: и пол года разлуки, и нелепое расставание, и боль, которую он так старательно прятал.

Он шагнул навстречу, распахнул объятия — и в следующий миг она уже была в них. Он обнял её так, словно они и не расставались: крепко, отчаянно, будто боялся, что она снова исчезнет. А потом поцеловал — нежно, трепетно, жарко, вкладывая в этот поцелуй всё, что копилось внутри: тоску, раскаяние, надежду.

Дима взял её за руку, заглянул в сияющие глаза — в них не было обиды, только тепло и что-то ещё, неуловимое, но такое родное.

— Это тебе, — он протянул ей букет, чуть дрожащими пальцами. — Я хотел, чтобы ты знала: я не забыл.

— Умм, какой аромат, — Оля закатила глаза, глубоко вдохнула, прижимая цветы к лицу. Её губы дрогнули в улыбке. — Спасибо, Дим, они чудесны! - она посмотрела на него - ты не изменился.

— А ты стала ещё красивее... Пойдём, — он взял её за руку и уверенно повёл к машине и щёлкнул брелоком — фары М5 мигнули в ответ, и он галантно открыл перед ней дверь. — Присаживайся.

— У тебя новый автомобиль? — усмехнулась Оля, занимая переднее кресло. Её взгляд скользнул по салону, оценивающе и восторженно.

— Да, тебе нравится? — Дима улыбнулся, усаживаясь за руль.

-Тебе идёт, — согласилась она, поправляя шарф. — Выглядит так же уверенно, как и ты сейчас.

Он рассмеялся — искренне, легко, впервые за долгое время чувствуя, что всё идёт правильно. По дороге они болтали не умолкая. Дима заказал доставку домой, чему Оля искренне обрадовалась.

Когда они вошли в его квартиру, Оля замерла на пороге, оглядываясь. Ничего не изменилось с момента их расставания: те же светлые стены, тот же диван с пледом, который она когда-то сама ему подарила. Даже её зубная щётка покоилась в прозрачном стаканчике в ванной, а любимые духи стояли на полке в прихожей.

— Как тебе работается у отца? — спросила Оля, распаковывая контейнеры с роллами. Она старалась говорить легко, но в голосе прозвучала нотка осторожности.

— Ужасно, — ответил Дима честно, опускаясь на стул напротив. — Перекладываю документы и делаю вид, что сильно занят. А ты?

— Я уже неделю в научном центре, работаю вместе с профессором Кочетковым. С ним интересно. Сейчас он работает над новым проектом по выделению осмия, но ему не хватает финансирования.

— И на какой он стадии? — заинтересованно спросил Дима, беря в руки палочки.

— Вижу, тебе интересно? — улыбнулась Оля, лукаво приподняв бровь. — Хотел бы поучаствовать в таком проекте?

— Не трави душу, — буркнул Дима, опуская взгляд. — Конечно, хотел бы. Но

— Ох, Димка, — она засмеялась по-доброму, макая ролл в соус. — Многие мечтают оказаться на твоём месте, а ты думаешь о научном прогрессе.— Ладно, открою тебе секрет, — продолжила она, понизив голос. — Профессор провёл только три эксперимента. Один показал результат, и на этом всё заглохло: денег на оборудование нет, инвесторов тоже.

— Оль, — вдруг выпалил Дима, и глаза его загорелись, как у фанатика, — ты можешь договориться с профессором о встрече?

— Что решил проинвестировать проект? — Оля приподняла бровь, но в глазах уже вспыхнул азарт.

— Я серьёзно, — заявил он, нахмутив брови. — Я все эти месяцы работал над несколькими проектами, моделировал динамику в нескольких программах, но это же не лабораторное исследование, ты же понимаешь?

— Ладно, договорюсь, — улыбнулась она, откусывая кусочек ролла. — Но Дим, ты не боишься, что твой отец узнает и отправит тебя на Колыму?

— Веришь, мне уже плевать, — он выпрямился, глядя ей прямо в глаза. — Он построил свою империю и ему никто в этом не мешал. Почему я должен жить по его правилам?

— Ты в прошлый раз так же говорил, — с грустью сказала Оля, опуская глаза. — Но он тебя задавил и мы расстались.

— Я тогда был сам не свой, — пояснил Дима, не отрывая взгляда от её лица. — Мне казалось, что для меня всё кон-

чено, понимаешь? А ты ты мне напоминала мечту, о которой я должен был забыть.

— А сейчас, что изменилось, Дим? — спросила Оля, поднимая на него взгляд. В её глазах читалась надежда — хрупкая и ранимая.

— Я понял, что был не прав, — тихо произнёс он. — Ставить крест на мечте и наших отношениях было глупо и только потому, что так хочет мой отец

— Я рада, что ты мне написал, — произнесла Оля и кинулась к нему в объятия. — Я так скучала по тебе, Димочка! Каждый день думала о тебе...

Они целовались долго, страстно, каждое прикосновение обжигало, дыхание сбивалось, растворяясь в мире, где слова были не нужны.

Оля вцепилась в его рубашку, потянула вниз, пытаясь растегнуть пуговицы. Дима помог — рванул ткань от нетерпения, несколько пуговиц отлетело в сторону, но им было всё равно.

Рубашка упала на пол. Оля провела ладонями по его голой груди, плечам, шее жадно вдыхая аромат его кожи. Её губы коснулись его подбородка, скользнули вдоль линии скулы,

спустились к шее. Дима прикрыл глаза, наслаждаясь моментом.

— Не останавливайся, — хрипло прошептал он, притягивая её к себе.

Оля не ответила — вместо этого она встала, шагнула назад, не отрывая взгляда. Медленно она подняла руки, взялась за край платья и потянула вверх. Ткань скользнула по бёдрам, талии, груди — и упала к ногам.

Дима замер, замороженный и опьянённый. Перед ним стояла та самая Оля, та которую он так долго пытался забыть. Та, без которой последние месяцы казались пустыми и безвкусными.

Не раздумывая больше, он шагнул к ней, обхватил за талию и поднял на руки. Оля вскрикнула от неожиданности, но тут же рассмеялась, обвила его бёдра ногами. Дима сделал несколько шагов, опустил её на кровать и навис сверху.

Их губы снова встретились — жадно, отчаянно, будто от этого поцелуя зависела жизнь. Руки Димы скользили по её телу — по плечам, спине, бёдрам. Он чувствовал, как Оля дрожит, как её пальцы путаются в его волосах, как она прижимается к нему всё сильнее, требуя большего.

— Дима — выдохнула она, на мгновение оторвавшись от его губ.

— Шшш, — прошептал он, касаясь губами её виска.

Он провёл ладонью вдоль её бедра, скользнул под кружево белья, ощутил, как участилось её дыхание. Не торопясь, он обнажил её стройное тело, лаская тёплыми ладонями мягкие изгибы и вошёл в неё на всю длину. Она протяжно застонала и выгнулась, плавясь, как воск в его руках.

Дима медленно двигался распалая желание, а потом перешёл на бешеный ритм вбивая её в матрас. Оля задыхалась, шептала его имя, цеплялась за плечи, будто боялась, что он исчезнет.

Время потеряло смысл. Остались только ощущения: жар тел, прерывистое дыхание, стук сердец, слившихся в едином ритме. Дима забыл обо всём — об отце, о работе, о цифрах на мониторе. Сейчас существовал только этот момент, только Оля в его объятиях, только её губы, её руки, её голос, шепчущий:

— Я люблю тебя, Димочка.

Глава 6. ВЫЗОВ

**Москва, Генеральная
прокуратура РФ, 10:30, среда**

Здание на Большой Дмитровке дышало советским величием — колонны, лепнина, тяжёлые двери, за которыми решались судьбы. Мраморные ступени, отполированные тысячами подошв, отражали тусклый свет массивных люстр. В воздухе витал запах пыли, старых документов и едва уловимый привкус страха — будто он впитался в стены за десятилетия.

Глеб Верховский вышел из «Maubach» в сопровождении адвоката. Виктор Леонидович Громов был подтянутым, с высокими залысинами, в безупречном классическом костюме графитового цвета и чёрном пальто. Он был из тех, кто выигрывал дела у ведущих корпораций и разваливал следствие на стадии подготовки материалов. Его портфель, кожаный, с серебряной монограммой, блестел в утреннем свете.

— Держитесь спокойно, — прошептал адвокат, поправ-

ляя портфель. Он слегка коснулся локтя Глеба — Никаких эмоций. Только факты.

— Я всегда спокоен, — ответил Глеб, поднимаясь по ступеням. Его шаги звучали ровно и уверенно.

Кабинет следователя располагался на третьем этаже. Скромная дверь с табличкой: «Савельев Андрей Николаевич, старший следователь по особо важным делам».

Громов решительно постучал и они вошли.

Савельев оказался молодым — лет сорока, с цепкими глазами и идеально выглаженной рубашкой. За его спиной — флаг РФ, портрет президента, стопка папок. На столе — ручка «Parker», блокнот в кожаном переплёте и монитор.

— Глеб Евгеньевич, — следователь не встал, лишь указал на стулья. Его пальцы монотонно постукивали по столешнице — Присаживайтесь.

— Надеюсь, разговор будет не долгим — ответил Глеб, оглядывая кабинет с лёгкой усмешкой. Он скрестил руки на груди, чуть качнулся с пятки на носок. — у меня каждая минута на вес золота.

Савельев прекрасно знал, кто стоит перед ним, поэтому начал без предисловий:

— Начнём, Глеб Евгеньевич, — Савельев деловито откинул крышку папки, его пальцы с аккуратным маникюром легли на стопку документов. — У меня здесь оперативная информация: ваша компания «Верхдобыча» разрабатывает месторождение, не включённое в лицензию. Речь о площадях в районе рудника «Удачный». Вы их арендуете с 1996 года.

Глеб откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и усмехнулся краем губ, натянуто, с долей вызова.

— Абсурд, — произнёс он, выдерживая взгляд следователя. — лицензия — это святое. Мои юристы не спят.

— Вот именно, — Савельев не поддержал иронии. Его лицо оставалось непроницаемым. Он достал из папки несколько листов, аккуратно разложил их веером на столе — карты легли ровно -Спутниковые снимки и заключение Роснедр.

Он пододвинул бумаги к Глебу, слегка подтолкнув их кончиками пальцев.

— Это площади «Удачного», Глеб Евгеньевич. Сравните с

границами вашей лицензии. Ваша техника работает за красной линией. Там, где у вас нет прав.

Глеб взял верхний лист, медленно поднёс к глазам, изучая линии и отметки. Брови слегка сошлись на переносице, а пальцы непроизвольно сжали край бумаги.

— Вы ошибаетесь, — сухо ответил он, стараясь сохранить ровный тон. — Мои геологи вели разведку строго в границах лицензионного участка. Если техника и выезжала за пределы — это транспортировка породы. Не добыча.

— Транспортировка породы, — повторил следователь, беря ручку и что-то записывая в блокнот. Кончик пера чуть дрогнул, оставляя чёткий след на бумаге. — А эта порода, случайно, не содержала золото?

Глеб молчал. Он снова опустил взгляд на карты, изучая каждую деталь — линии, отметки, условные обозначения. Пальцы слегка постукивали по столу, выдавая внутреннее напряжение.

— Возможно, — наконец ответил он, поднимая глаза. — Андрей Николаевич. Я повторюсь, геологоразведка это не добыча, это подготовительные работы.

Савельев откинулся на спинку, сложил руки на груди, пальцы переплелись. Его взгляд стал ещё более пристальным, словно он пытался прочесть мысли собеседника.

— Геологоразведка без лицензии. Вы сами понимаете, как это звучит?

— Это звучит как недоразумение, — спокойно вступил адвокат, поднимая голову от своих записей. Он слегка наклонился вперёд, опираясь локтями на стол. — Андрей Николаевич, если у вас есть прямое доказательство факта промышленной добычи за пределами лицензии — предъявите. Фотографии техники — не доказательство. Спутниковые снимки — тем более. Моему доверителю нужно время, чтобы провести внутреннее расследование.

— Внутреннее расследование, — Савельев усмехнулся, и в этой усмешке проскользнула едва заметная насмешка. — В «Удачном»? Который подконтролен много лет господину Верховскому?

— Мы заинтересованы в чистоте своей репутации, — парировал адвокат, не меняя выражения лица. Его голос звучал ровно и уверенно.

Глеб наблюдал за этим обменом репликами, как за парти-

ей в теннис — его взгляд перескакивал с одного собеседника на другого. Потом он резко перебил:

— Андрей Николаевич, я предлагаю вам конкретику. Если вы считаете, что моя компания нарушила лицензию — выпишите штраф. Мы его оплатим. Если вы хотите отозвать лицензию — подавайте иск в арбитраж. А тратить время на разговоры о спутниковых снимках — это, извините, несерьёзно.

Савельев не спешил. Он полистал папку дальше, перебирая листы с нарочитой неторопливостью. Затем поднял глаза на Глеба.

— Хорошо, Глеб Евгеньевич. Поговорим о другом. О редкоземельных металлах. В частности, об осмии.

Он сделал паузу, поднял взгляд на Глеба — пристальный, сканирующий, будто пытался проникнуть в самые глубины его мыслей.

— Ваши партнёры из Казахстана используют осмий-187 в технологическом процессе. Металл, который в России имеет особый статус.оборот его — под госконтролем. Случайно не знаете, откуда он берётся у них в таком количестве?

Глеб выдержал паузу — ровно столько, чтобы показать: он обдумывает ответ, а не боится. Его пальцы слегка постучали по подлокотнику кресла, затем он выпрямился и расправил плечи.

— Андрей Николаевич, — начал он спокойно, — в нашей стране добыча и продажа редкоземельных металлов не запрещена. Более того — по некоторым позициям мы являемся мировыми лидерами.

Он чуть наклонился вперёд, глядя прямо в глаза следователю.

— Другое дело, что технологии добычи и аффинажа этих металлов — сложные и очень затратные. Не каждая компания может себе это позволить. Мои казахстанские партнёры — могут. И делают это абсолютно легально. В рамках местного законодательства.

— А в рамках российского? — уточнил следователь, чуть прищурившись.

— В рамках российского, — Глеб развёл руками, демонстрируя открытость, — у меня нет претензий. Я покупаю готовый продукт — золото 999-й пробы. Каким образом оно получено — это вопросы к аффинажным заводам. Я не кон-

тролирую их технологии.

— Но вы их финансируете.

— Я покупаю услугу, — жёстко поправил Глеб, и в его голосе прозвучала сталь. — Как любой другой клиент. И не несу ответственности за производственные ноу-хау завода.

Савельев записал что-то в блокнот, захлопнул его с тихим щелчком и откинулся на спинку стула. Помолчал, изучающе глядя на Глеба.

— Вы уверены, Глеб Евгеньевич что не скрываете от государства сведения особой важности?

— Я знаю законы, Андрей Николаевич. И у меня хорошие адвокаты.

Адвокат, услышав это, поднял голову от блокнота и коротко кивнул, едва заметно улыбнувшись уголком рта.

— Андрей Николаевич, если у вас нет больше вопросов по существу — мы закончили.

Савельев закрыл папку, провёл ладонью по её поверхности, разглаживая несуществующие складки. Посмотрел на

Глеба долгим, изучающим взглядом — в нём читалось что-то среднее между уважением и угрозой.

— Пока всё, Глеб Евгеньевич. Но это не последняя наша встреча.

— Я в этом не сомневаюсь, — Глеб поднялся, поправил пиджак, оправил лацканы. — Держите меня в курсе. Всегда рад конструктивному диалогу.

Он вышел, чеканя шаг. Адвокат последовал за ним, бросив на Савельева короткий, многозначительный взгляд.

Коридор прокуратуры, 11:30

В коридоре, когда дверь закрылась, адвокат тихо сказал:

— Глеб Евгеньевич, советую подчистить концы, вы понимаете о чём я говорю — Громов слегка наклонил голову, ожидая реакции - и провести внутреннее расследование, бумага всё стерпит, а нам будет чем прикрыться.

Глеб остановился. Посмотрел на адвоката долгим взглядом — изучающим, оценивающим. В этом взгляде читалась борьба: гордость против осторожности, уверенность против

расчёта. Потом кивнул:

— Хороший совет, Виктор Леонидович, гонорар вам сегодня перечислят.

— Я буду держать руку на пульсе, — произнёс адвокат уверенным тоном. — Все новости сразу вам.

— Рассчитываю на вас, — Глеб кивнул и пошёл к выходу ровно и уверенно, но в груди что-то сжималось и появилось чувство приближающейся опасности.

В машине, уже на заднем сиденье, он закрыл глаза и стал анализировать слова следователя, медленно и педантично.

«Осмий. Откуда они узнали про осмий? Кто слил?»

Магадан, 1997 год

Третий партнёр. Самый опасный.

Вадим Корецкий пришёл не с деньгами — с властью. Полковник ФСБ, уволенный за злоупотребления, но сохранивший связи. Он предложил Глебу крышу: таможня, лицензии,

разрешения. В обмен — двадцать процентов.

Глеб согласился. У него не было выбора — без крыши его бы сожрали конкуренты или посадили.

Два года они работали молча. Вадим решал вопросы с контролирующими органами, Глеб платил. Но Корецкий оказался жадным — через два года он захотел не двадцать, а пятьдесят процентов.

— Иначе, — сказал он в кабинете Глеба, поигрывая золотой зажигалкой. Его пальцы медленно крутили крышку, глаза смотрели холодно, оценивающе. — Твой бизнес станет моим. А ты сядешь за уклонение от налогов.

— Подумаю, — ответил Глеб. Его голос звучал спокойно, но внутри всё сжалось. Он кивнул, будто соглашаясь, но в голове уже крутились варианты.

Он думал три дня тщательно взвешивая шансы, потом позвал Тимофея.

— Нужно убрать Корецкого или он нас сожрёт, — сказал Глеб, глядя в глаза своему начальнику охраны. Его пальцы сжались в кулак, потом медленно разжались. — Осторожно, чтобы ни у кого не возникли сомнения.

— Понял, — кивнул Тимофей. Его лицо оставалось бесстрастным. — Сделаю!

Убийство оформили как несчастный случай: Корецкий упал с лестницы в собственном доме. Черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью. Следствие длилось два месяца, потом дело закрыли.

— Спился, бедолага, — говорили соседи качая головой. — С лестницы рухнул пьяный.

Глеб присутствовал на похоронах. Скорбел. Крестился. Его лицо было печальным, почти скорбным, безупречная игра лицемера для сочувствующих окружающих.

А после, он забрал связи Корецкого и стал платить напрямую, за информацию, разрешения и прочие услуги.

Схема с вывозом золота родилась в 98-м.

- У нас проблемы с таможней, Глеб Евгеньевич - заявил Соловьёв сжимая папку в руках - слишком много хотят, да и лишние вопросы задают. На конвой участились нападения...

— Я подумаю - задумчиво произнёс Глеб глядя в окно

на рудник «Северный» и через три дня полетел в Казахстан. Заключил договор с небольшим заводом.

Первая партия руды была небольшой, всего триста тон с которой они получили всего 500 килограмм и она ушла в Швейцарию, тихо и без проблем.

Глеб получил пять миллионов долларов на счета в Цюрихе и понял: эта схема будет работать годами.

Она и работала, до сегодняшнего дня.

Москва, ресторан «Beluga», 14:30

Кремлёвские крыши покрывали крупные снежинки, Марго Ельская сидела за столиком у окна и наслаждалась обедом, пробуя салат с осетриной. Она думала о Глебе, в последнее время он был каким то напряжённым и отстранённым, и это её беспокоило. Она отпила цитрусовый чай и взглянула на высокого, полноватого мужчину который остановился возле её столика.

— Свободно? — спросил он с лёгкой улыбкой в которой не было ни теплоты, ни искренности, только расчёт.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответила Марго,

не поднимая глаз.

— Аркадий Бельский, — мужчина сел без разрешения. Он небрежно положил ладонь на край стола, будто помечая территорию. — Председатель совета директоров «Русдрагметалла».

Марго его узнала. Он был главным конкурентом Верховского.

— Чем обязана? — насторожено спросила она, поставив кружку на стол. Её глаза встретились с его — пронизательными.

— Я наслышан о вас, Маргарита, — Бельский расслабился в кресле и заказал официанту виски. Он откинулся на спинку, скрестил ноги и положил руки на подлокотники — Вы умная, красивая, амбициозная и к сожалению работаете на человека, который не ценит таких сотрудниц.

— Переходите к делу, — отрезала Марго, она выпрямилась и расправила плечи.

- А вы мне уже нравитесь, Маргарита - усмехнулся он и подался вперёд - вы смелая женщина, раз столько лет работаете на Верховского — Бельский наклонился ближе и пони-

зил голос. Его глаза сверкнули. — Я предлагаю вам тридцать миллионов долларов.

- Какая щедрость! - перебила его Марго звучно цокнув языком. Внешне она была спокойна, но внутри всё сжалось от напряжения.

- Вы на корабле, который сейчас идёт ко дну - заявил Бельский спокойным тоном - я вам предлагаю ускорить этот процесс и ещё заработать неплохие чаевые.

— Вы закончили? — спросила она с каменным выражением лица. Взгляд оставался твёрдым, но в глубине души нарастала паника.

— Подумайте, Маргарита, — Бельский откинулся на спинку. Он взял бокал виски, сделал глоток, не отрывая от неё взгляда. — Верховский не вечен. А его методы работы давно устарели. Он из девяностых, а на дворе двадцать первый век.

Марго встала. Поправила пиджак — медленное, нарочито спокойно и посмотрела на Бельского сверху вниз. В её глазах читалось презрение, но и страх — едва уловимый, спрятанный глубоко за маской равнодушия.

— Ваше предложение мне не интересно — сказала она вздёрнув подбородок. — всего доброго.

- Если надумаете, Марго, звоните! - усмехнулся Бельский с прищуром глядя ей в глаза.

Она развернулась и вышла из ресторана. Бельский смотрел ей вслед с холодной язвительной ухмылкой.

— Пешка, — сказал он и отпил виски. — Но нужная.

Марго села в машину и выдохнула, судорожно обдумывая разговор. У неё было два вопроса «С чего он решил, что они тонут и стоит ли сообщать об этом Глебу!»

Она завела двигатель. Машина тронулась с места, унося её прочь от этой западни.

Бизнес- центр «Золотой Стандарт», кабинет Глеба, 20:00

Глеб сидел в темноте и смотрел на огни Москвы за окном и перебирал в уме детали сегодняшнего допроса.

«Почему вызвали именно сейчас? Кто дал показания? Кто

крыса?»

Дверь открылась без стука. Вошёл Тимофей Соловьёв — коренастый, с лицом, покрытым шрамами, и бездушными глазами человека, который видел смерть слишком близко.

— Глеб Евгеньевич, — сказал он, закрывая дверь. Его голос звучал ровно, без эмоций. — Есть разговор.

— Валяй, — Глеб не обернулся. Его пальцы барабанили по подлокотнику кресла.

— Марго сегодня обедала с Бельским. В «Белуге». Вот фото отчёт - он протянул снимки.

Глеб не изменился в лице. Ни один мускул не дрогнул. Только пальцы на мгновение замерли, сжав цветные фотографии.

— О чём говорили?

— Он ей предложил тридцать миллионов баксов, чтоб потопить холдинг - отчеканил Соловьёв - она отказалась и ушла.

— Ясно, — кивнул Глеб и повернулся к Тимофею окинув его нечитаемым взглядом — Продолжайте следить, рано или

поздно она пойдёт на сделку.

Тимофей посмотрел на него с удивлением:

— Может уберём её и концы в воду, зачем нам эти проблемы - возмутился Тимофей нахмутив брови.

— Паранойя — это не болезнь, Тимоха. Это единственное, что даёт нам возможность оставаться живыми. Убраться всегда успеем... Продолжай.

— Есть ещё одно, — Соловьёв кашлянул в кулак. Его пальцы слегка сжали край пиджака — Насчёт партии. Та, что в Находке. Там левые люди появились, крутятся, вопросы задают. В таможне начальника сменили. Как бы чего не вышло!

Глеб помолчал. Его взгляд снова устремился в окно, будто искал там ответ.

— Приостанови отгрузку, понаблюдайте, там решим. - произнёс Глеб задумчивым тоном - и ещё... у нас крыса завелась сливает информацию по осмию. - он поднял глаза и пристально посмотрел на собеседника - есть предположения... кто?

- О нём знает узкий круг, у нас строгая секретность - оторопел Соловьев заметно напрягаясь - вы, я, Маргарита, Сергей, трое учёных из лаборатории, эксперт, ну и казахи.

- Надо найти и закрыть рот, при обыске в управляющей компании точно документов по переработке не было? - Глеб прищурил глаза пытливо глядя на собеседника.

— Точно нет, лично проверял - заверил Тимофей - я разберусь!

- Только не затягивай - произнёс Глеб с нажимом - всё, иди - кивнул и отвернулся к окну. созерцая чёрное небо.

ГЛАВА 7. Удавка.

Москва, фитнес-клуб «Прайд», 18:30

Сергей припарковал серебристый «Porsche» на своём обычном месте. Неторопливо вышел, хлопнул дверцей будто поставил точку в конце утомительного дня.

Он открыл багажник и достал спортивную сумку. Пальцы на мгновение замерли на молнии — он провёл подушечками по шероховатой поверхности, мысленно настраиваясь на тренировку. Взгляд скользнул по парковке, отмечая привычные детали.

Рядом, с визгом шин и резким скрипом тормозов, втиснулась старенькая белая «Тойота». Карина выпорхнула из машины, словно птица, вырвавшаяся из клетки.

Ветер подхватил её длинные каштановые волосы, взметнув их за спиной, как знамя. Карие глаза сверкали — в них горел азарт, почти вызов. Быстрым движением она поправила ремешок сумки на плече, резко наклонила голову, поймав взгляд Сергея, и решительно шагнула вперёд.

— Привет, — сказал Сергей взглянув на её машину. — Я

смотрю, бампер ты уже починила?

Он нажал кнопку на пульте и багажник закрылся с глухим щелчком.

— Бампер — да, — произнесла она, выдерживая паузу.
— А вот сердце — нет.

Она шагнула ближе, сознательно нарушая невидимую границу его личного пространства. Движение было продуманным: не резкое, но уверенное. Улыбка коснулась лишь уголка губ — сдержанная, едва заметная, словно она взвешивала каждое своё действие.

— Тебе его кто-то разбил? — спросил Сергей, чуть понизив голос, и склонил голову набок.

— Хочешь склеить? — Карина лукаво прищурилась, уверенно шагая рядом.

Сергей чуть приподнял бровь, давая понять, что игра ему понятна, но не интересна.

— Ты каждый день тренируешься? — Карина посмотрела на него с любопытством и кокетливо поправила прядь волос, упавшую на лицо.

— Когда как, — ответил Сергей, открывая перед ней дверь клуба. Движение вышло автоматическим, вежливым, но без намёка на заинтересованность. Он чуть кивнул в сторону входа. — По настроению.

Они вошли в просторный холл. Запах кожи и цитрусового ароматизатора ударил в нос, смешавшись с гулом голосов..

— Ты давно занимаешься боксом? — спросила Карина, останавливаясь у двери в мужскую раздевалку. Она слегка прикусила губу, будто сомневаясь, стоит ли задавать вопрос, но тут же выпрямилась, стараясь выглядеть непринуждённо.

— Ты как журналист интересуешься? — Сергей прищурился, уголок рта чуть дрогнул, будто он едва сдерживал усмешку, а пальцы непроизвольно сжали ремни сумки.

— Нет, — она покачала головой, и прядь волос снова упала на лицо. Карина машинально откинула её назад, чуть нахмурившись. — Мне просто любопытно, чем ты себя мотивируешь.

— С детства, — коротко бросил Сергей. Он потянул ручку двери, чуть сильнее, чем нужно, будто хотел поскорее разорвать этот пустой разговор. — Извини, мне пора.

И скрылся за дверь, даже не взглянув на неё.

— Чёрт, — прошептала Карина, закатив глаза. Плечи невольно опустились, улыбка погасла, сменившись выражением досады. Она резко выдохнула, пытаясь пережить очередное фиаско.

Она развернулась и зашагала к спортивному бару, возмущённо цокая каблуками по кафелю. Каждый шаг отдавался в голове: «Опять мимо. Он что железный? Чёртов мажор!».

«Уловка с аварией не сработала, — думала она, усаживаясь за барную стойку. — Приходится поджидать его, выслеживать, мелькать перед глазами, словно я дешёвка. А он даже на кофе не пригласил. Ну ничего, я терпеливая. Я умею ждать».

Карина заказала зелёный чай и доставала телефон из кармана куртки. Экран высветил заметки — досье на семью Верховских. Она знала о них почти всё: Глеб — золотой король, Наташа — терпеливая жена, Сергей — наследник, правая рука отца, Дмитрий — второй претендент на империю, Александра — лондонская графиня, Катя - разбалованная мажорка.

«Напишу сенсацию. Разоблачу коррупционные схемы.

Аванс уже получен — осталось только докопаться до фактов. А этот красавчик он ключ к моему успеху и возможно в высшую лигу. Надо лишь подобрать правильный подход и тогда... », — Карина отпила чай. Стало горько — то ли от вкуса, то ли от осознания, что путь к цели будет долгим и тернистым. Она ожидала быстрой победы, когда таранила его машину.

Она сжала чашку крепче и посмотрела в окно. Вечерний город мерцал огнями, но Карина видела не их, а ту девочку из глубинки мечтающую стать журналисткой.

Нерчинск был из тех мест, где время течёт медленнее, а новости узнают не из ленты, а от соседки по подъезду. Она уехала оттуда, чтобы стать частью чего-то большого, и журфак виделся ей стартовой площадкой к настоящей, яркой жизни.

Первые недели она жадно впитывала столичную суету, ей нравилось даже то, как резко гудят клаксоны и как быстро все куда-то бегут. Но спустя три месяца эта бешеная гонка перестала казаться романтической. Она начала замечать, как легко здесь жертвуют чужими мечтами ради своих, как улыбка может скрывать расчёт, а дружба — быть просто удобным союзом. И однажды, стоя в переполненном вестибюле университета, она вдруг отчётливо поняла: в этой столице вы-

живает только тот, кто идёт по головам. Эта мысль ударила по вискам, как резкий порыв ветра, и оставила после себя неприятный, металлический привкус.

Когда она закончила университет, её дни начинались одинаково: кофе на ходу, наушники, в которых вместо музыки — собственные заметки к питчам, торопливый шаг по мокрому асфальту. Она была одной из многих — неизвестной журналисткой, которая верила, что сегодня всё получится.

С утра она сидела в приёмной какого-нибудь телеканала — на жёстком пластиковом стуле, который будто специально ставили так, чтобы никто не задерживался. Редактор мельком взглянув на её портфолио, кивал, будто отмечая пункт в списке, и произносил ту самую фразу, которую Карина уже знала наизусть: «Мы сохраним ваши контакты. Если вы нам понадобится, мы вам сообщим». Голос у него был не злой, не равнодушный даже — просто рабочий, как у кассира, пробивающего чек.

Потом был продюсер на независимой студии — он слушал её идею про серию репортажей о городских окраинах, кивал, делал пометку в телефоне, а в конце снова выдавал эту дежурную формулу. И ещё одна встреча, и ещё. В каждом офисе пахло одинаково: кофе, пылью, бумагой и чужим успехом, до которого никак не дотянуться.

Почти полгода она блуждала в полумраке неизвестности: снимала, выкладывала, ждала хоть какого-то отклика, но её работы тонули в бесконечной ленте, теряясь среди тысяч похожих кадров. Каждый новый пост казался шагом вперёд, а на деле оборачивался ещё одним тихим провалом.

И вдруг судьба подкинула ей случайный, почти нелепый шанс. Она снимала что-то своё, отвлечённое, и в кадре мелькнул он — известный политик, уважаемый, почти неприкасаемый. Только вот окружение у него было совсем не парадное: тёмный переулок, напряжённые лица, разговор, который явно не предназначался для чужих глаз. Она выложила видео, не придав ему особого значения, просто как часть городской хроники.

Реакция оказалась оглушительной. А следом пришли и деньги — солидная сумма за удаление ролика. Не за публикацию, не за эксклюзив, а именно за молчание. Стоя перед экраном и глядя на уведомление о зачислении, она вдруг увидела всю картину целиком. И поняла: в этом мире чужие тайны — самый ходовой товар. Грязное бельё богатых и знаменитых, оказывается, стоит дорого. И она готова была его раскапывать.

Москва, бизнес-центр «Золотой Стандарт», кабинет Глеба, 19:00

Глеб сидел в кожаном кресле, закинув ногу на ногу, и внимательно просматривал показатели за квартал по добыче и реализации. Он не поднял головы, когда в кабинет вошла Марго.

Она остановилась у порога, поправила юбку резким, нервным движением. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, но внешне она оставалась спокойной и уверенной.

— Глеб, мне нужно тебе кое-что сказать, — произнесла Марго, делая шаг вперёд.

— Валяй, — он перевернул страницу, не отрывая взгляда от цифр.

— Вчера я обедала в «Белуге», — она сделала многозначительную паузу, глубоко вдохнула и продолжила — Ко мне подошёл Аркадий Бельский.

Глеб не изменился в лице. Даже бровью не повёл, лишь

пальцы на мгновение замерли, а потом возобновили свой ритм.

— И? — коротко бросил он, всё ещё не поднимая глаз.

— Предложил тридцать миллионов долларов, — Марго сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. — За информацию. За то, чтобы помочь ему потопить тебя.

Глеб наконец отложил отчёт, медленно поднял голову и посмотрел на неё в упор. Взгляд был тяжёлым, сканирующим — будто просвечивал насквозь и проверял каждое слово на фальшь. Губы чуть сжались, выдавая напряжение, которого он не хотел показывать.

— Красивая сумма, — произнёс он ровным голосом. — И что ты ответила?

— Отказалась, — Марго распрямила плечи, стараясь выглядеть увереннее. — Сказала, что не интересно. И ушла.

Глеб молчал. Секунду. Две. В кабинете повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на стене. Его взгляд всё ещё буравил её, выискивая малейший признак лжи.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Ты заслуживаешь небольшую премию, Марго, за честность. — Он поманил её рукой, достал из стола бархатную коробочку, открыл и повернул к ней, демонстрируя серьги и кольцо от Harry Winston. Бриллианты сверкнули в свете ламп, рассыпая по стенам радужные блики.

— Они прекрасны, — восхищённо выдохнула Марго, робко дотрагиваясь до камней кончиками пальцев. Её глаза расширились от восторга, но в глубине души она понимала: это не подарок — это плата за верность и доказательство контроля.

— Примерь, — хмыкнул Глеб, откидываясь на спинку кресла. В его улыбке промелькнуло что-то тёмное и опасное.

— Ты всё знал, — вдруг встрепенулась Марго и посмотрела на него пытливым взглядом, в котором смешались обида и тревога. — Ты знал про Бельского?

— Я всегда обо всём знаю, — ответил Глеб жёстким голосом, и в его глазах мелькнуло предупреждение. — Помни об этом, Маргарита!

Марго опустила глаза, рассматривая сверкающие камни. Внутри всё сжалось от смеси чувств: благодарности, страха,

горечи.

— Ты же знаешь, я люблю тебя, — тихо произнесла она, едва слышно.

— Я буду долго ждать? — он кивнул на украшение, и в голосе прозвучала властная нотка.

Марго улыбнулась — мило и кокетливо пытаясь быть весёлой и непринуждённой. Она повернулась к нему спиной, чуть приподняв волосы.

— Поможешь? — спросила она, стараясь придать голосу лёгкость.

Глеб поднялся, подошёл ближе. Его пальцы коснулись её шеи, застёгивая колье. Движение было плавным, почти нежным, но Марго почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Хочу сегодня вечером видеть тебя только в них, — произнёс Глеб, чуть склонившись к её уху.

— Как пожелаете, Глеб Евгеньевич, — она торопливо надела серьги и повернулась к нему лицом. — Спасибо. — Марго наклонилась и легко поцеловала его в щёку — жест,

который должен был выглядеть благодарным, но вышел механическим.

— Можешь идти, — неожиданно произнёс Глеб, отступая на шаг.

Марго кивнула, развернулась и сделала два шага к двери — и остановилась. Она обернулась. Глеб уже снова уткнулся в отчёт, словно её здесь и не было.

— Глеб Евгеньевич — начала она, но он перебил.

— Я сказал — свободна.

Марго вышла. В коридоре она прислонилась к стене спиной и выдохнула, ощущая на шее тяжесть камней. Они давили, словно удавка.

«Он проверял меня, — пронеслось в голове. — А если бы я не пришла если бы промолчала Даже представить боюсь».

Она не закончила мысль, потому что знала ответ: если бы она промолчала, то завтра её бы нашли в Москве-реке или в багажнике собственной машины.

Марго зашагала к лифту, стараясь не смотреть по сторо-

нам. За ней следили — она чувствовала спиной. Где-то в коридоре, за углом, в тени — они всегда были рядом, глаза Глеба.

Особняк Верховских «Сосны», 20:00

Свет свечей мягко мерцал, отражаясь в хрустале бокалов и серебре приборов. Александра и Джеймс ужинали в малой столовой. Белая скатерть, тонкий фарфор, французское вино — всё создавало иллюзию прекрасного вечера для идеальной пары. Но под этой идеальной картинкой таилось напряжение, ощутимое, как натянутая струна.

— Ты сегодня долго была в офисе, — заметил Джеймс, небрежно нарезаая стейк. Нож чуть звякнул о тарелку, выдавая нервозность. Он поднял взгляд на Александру, чуть прищурившись, будто пытаясь прочесть что-то в её глазах.

— Отец готовит сделку с Казахстаном, — Александра отпила вино, не поднимая глаз. Пальцы слегка сжали ножку бокала — едва заметный жест, но Джеймс его уловил. — Пришлось подписать несколько документов.

— Он расширяет производство? — Джеймс приподнял бровь, но тут же вернул лицу безразличное выражение, буд-

то вопрос вырвался случайно. — Что за документы?

— Не помню, — Александра чуть повела плечом, стараясь выглядеть беспечной. — Что-то связанное с экспортом. Я не вникаю, ты же знаешь.

— Конечно, — он натянуто улыбнулся пытаясь быть учтивым — Твой отец знает, что делает.

«Документы. Экспорт. Казахстан. Надо завтра же передать информацию куратору», — подумал Джеймс, отправляя в рот кусочек мяса. Он постарался не выдать себя, но пальцы чуть сильнее сжали вилку, чем нужно.

В дверях появилась Наталья Сергеевна в платье сливового цвета и идеальной причёской. Её лицо было спокойным, но в глазах читалась тревога, которую она тщетно пыталась скрыть.

— Саша, ты не видела сегодня Диму? — спросила она, останавливаясь у стола. Голос прозвучал чуть громче, чем обычно, выдавая внутреннее волнение.

— Диму? — Александра удивилась, подняла глаза от тарелки. Брови слегка сошлись на переносице. — Нет, мам. А что?

— Он третий день ночует в пентхаусе. Не приезжает домой. И не отвечает на звонки, — Наталья Сергеевна подошла ближе, её пальцы непроизвольно теребили край рукава платья.

— Может, занят? — Джеймс пожал плечами, стараясь звучать непринуждённо. Он отпил вина, но взгляд метнулся к Александре — будто искал поддержки.

— Он всегда отвечает, когда я ему звоню — голос Натальи Сергеевны дрогнул. — Всегда.

Она достала телефон и набирала номер сына, слушая монотонные гудки, потом автоответчик.

— Дима, это мама, — сказала она в трубку, и в голосе прозвучала мольба. — Пожалуйста, перезвони. Я волнуюсь.

Она сбросила вызов и взволнованно посмотрела на дочь.

— Что с ним происходит? — тихо спросила она всплеснув руками.

— Ты напрасно волнуешься, мам, — Александра нарезала овощи на мелкие кусочки скрепя ножом по фарфору. — Он

просто хочет позлить отца и привлечь к себе внимание, это нормально в его возрасте.

— Он мечтал заниматься наукой, а Глеб настоял на работе в офисе, — возмутилась Наталья Сергеевна, и в её голосе прозвучала горечь. — Только зачем — я не понимаю!

— Папе видней, — ответила Александра, чуть опустив взгляд. — Я тоже хотела заниматься балетом, если ты помнишь, однако руковожу «ГолденХолл» и уже ни о чём не жалею.

На мгновение, Наталья Сергеевна оторопела от этих слов, в глазах дочери читалась боль, невысказанные слова и годы недопонимания.

- Саш, ты всегда старалась угодить отцу, а Дима нет, в этом разница - подчеркнула Наталья Сергеевна поджав губы.

- Если бы ты его не поддерживала, то он бы давно смирился - фыркнула Александра отпивая вино.

- Убить мечты ... проще всего - хмыкнула Наталья Сергеевна укоризненно глядя на дочь - не путай меня со своим отцом!

Она выпрямилась, стараясь вернуть себе прежний облик

безупречной дамы, повернулась и вышла так же тихо, как и вошла. Только дверь чуть громче обычного щёлкнула замком, будто подчёркивая тишину, которая повисла в комнате после её ухода.

Свечи мерцали, отбрасывая тени на скатерть. Джеймс доделал стейк, Саша смотрела в бокал с вином, будто там, в глубине рубиновой жидкости, скрывался ответ на волнующие её вопросы.

Москва, Научный центр, 20:30

— Понимаете, Дмитрий Глебович, — профессор Кочетков сидел напротив Димы в своём кабинете и пил зелёный чай. Импозантный мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми волосами и горящими глазами фанатика. Он говорил увлечённо, жестикулируя свободной рукой. — Мы сейчас бьёмся над разработкой принципиально нового метода очистки осмия -187.

Он сделал паузу, отхлебнул чай и продолжил с энтузиазмом:

— Сейчас промышленные методы дают максимум 60–70 % чистоты — и это после многоступенчатой возгонки, адсорбции и ионного обмена. А мы хотим добиться 98 % с по-

мощью селективного лигандного комплекса. Представляете? Используя хелатирующий агент на основе тиомочевины.

Профессор достал из ящика стола пробирку с серовато-белым порошком и осторожно поставил перед Димой.

— Вот, взгляните. Это наш последний образец. Рентгенофазовый анализ подтвердил чистоту 72,8 %. Атомно-эмиссионная спектрометрия показала следовые количества рутения и иридия — в пределах погрешности. Вы представляете что это значит для науки, какой прорыв, если мы добьёмся результата?

Дима слушал, подавшись вперёд, не отрывая взгляда от лица профессора. Дрожащие пальцы теребили край пиджака — выдавая его волнение. В груди нарастало странное чувство: смесь азарта и предвкушения. Наконец-то что-то стоящее, а не бессмысленные дни проведённые в отцовской компании.

На фоне, чуть в стороне, сидела Оля и внимательно слушала, слегка наклонив голову, и не сводила глаз с Димы. В её взгляде читалось восхищение — она видела, как загораются его глаза, как меняется выражение лица, когда он погружается в тему, которая действительно его волнует.

— И во сколько оценивается проект? — спросил Дима,

стараясь говорить ровно, но голос чуть дрогнул от напряжения.

— На начальном этапе — около двадцати миллионов рублей. Нужно закупить прекурсоры, модернизировать установку для сверхкритической флюидной экстракции, провести серию валидационных тестов. Дальше — больше, — профессор поставил чашку на стол, и его взгляд стал более внимательным, изучающим. Он явно пытался понять, насколько серьёзно настроен собеседник.

— Я готов инвестировать, — сказал Дима уверенным тоном — При одном условии.

— Каком? — профессор слегка наклонился вперёд, брови приподнялись в искреннем любопытстве.

— Я буду прямым участником процесса, — Дима выпрямился, расправил плечи, взгляд стал твёрдым. — Не инвестор со стороны, а полноценный член команды. Я хочу участвовать во всех экспериментах. Стоять у лабораторного стола, видеть результаты, двигать науку. Хочу лично контролировать синтез лиганда, настраивать параметры экстракции, анализировать хроматограммы.

Профессор помолчал, задумчиво постукивая пальцами по

краю стола. Затем его лицо озарилось улыбкой — впервые за вечер.

— Вы серьёзно, Дмитрий Глебович? — в его голосе прозвучало неподдельное удивление, смешанное с одобрением.

— Абсолютно, — Дима уверенно кивнул. — Это моя мечта! Хочу делать то, что умею. То, к чему лежит душа. Хочу вернуться к настоящей химии — к пробиркам, реакциям. К экспериментам в лабораторных условиях!

— Тогда, — профессор протянул широкую ладонь — я переговорю с компетентными людьми. Думаю, они будут только рады заполучить не просто инвестора, а человека с профильным бэкграундом. У нас как раз не хватает специалиста по координационной химии.

Дима крепко пожал руку и в этот момент почувствовал, что впервые за долгое время делает что-то по-настоящему важное.

Оля, наблюдавшая за разговором, едва заметно улыбнулась и чуть кивнула, словно говоря: «Я в тебя верю».

Особняк Верховских «Сосны», 02:30

В особняке все спали.

Джеймс спускался по лестнице босиком — ступни ощущали прохладу от полированного дерева, а каждый скрип ступеньки заставлял его замирать и прислушиваться к каждому шороху. Сердце билось чуть чаще обычного, в висках слегка пульсировало.

Он прошёл по длинному коридору, озираясь по сторонам. Тени от хрустальных бра ложились на стены причудливыми узорами. Джеймс замер возле кабинета Глеба, задержал дыхание, вслушиваясь в тишину.

Убедившись, что всё тихо, он медленно, почти невесомо, приоткрыл дверь и скользнул в тёмную комнату. Он включил подсветку телефона — тонкий луч света прорезал тьму, выхватывая из мрака очертания стола, книжных полок и картины на стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.